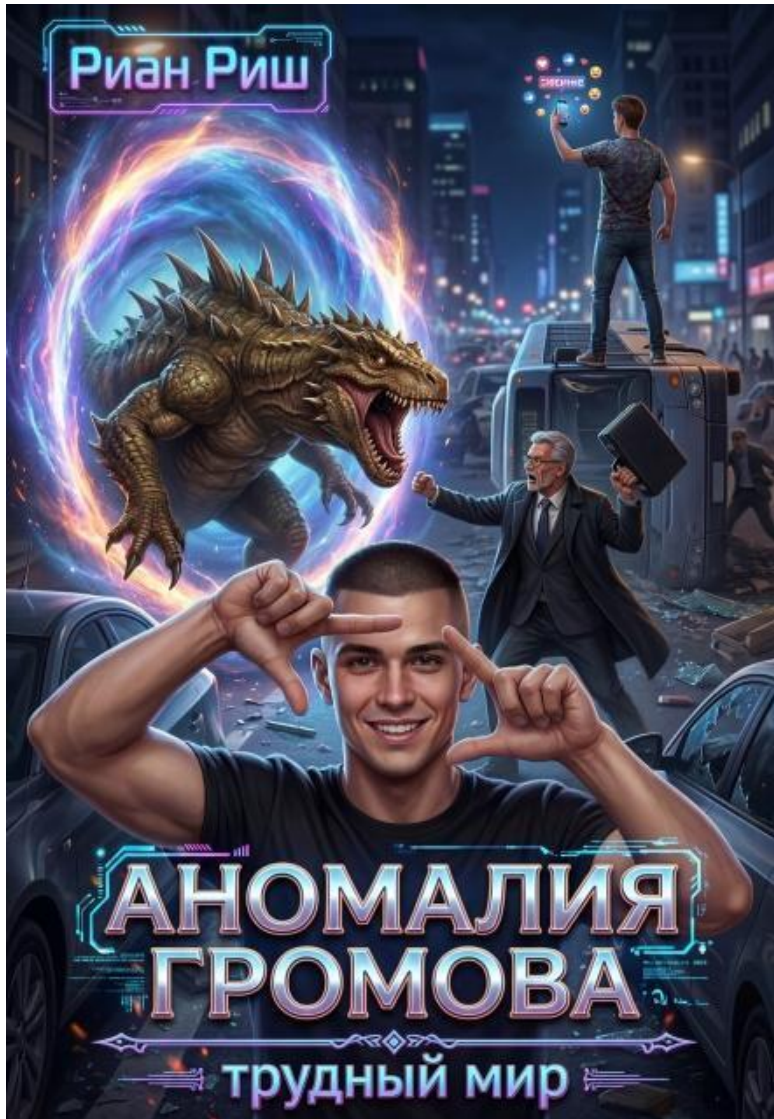

Риан Риш

АНОМАЛИЯ ГРОМОВА

трудный мир

Риан Риш

Аномалия Громова

<https://litres.ru/74213543>

Аннотация

Что делать, если привычная объективная реальность трещит по швам, а законы физики уступают место наглому игровому интерфейсу?

Аркадий Львович Громов – доктор физико-математических наук с отвратительным характером и нулевой терпимостью к человеческой глупости. Он абсолютно уверен, что из-за разгильдяев и дураков мир давно катится в пропасть.

И однажды, словно соглашаясь с ним, мир решил показать, что так оно и есть, внезапно открыв Порталы и Разломы в другие миры. А у самого профессора Громова в один малопрекрасный день прямо перед глазами появляется интерфейс Системы, он внезапно получает скрытый класс «Ментор» и убийственный навык «Академическая Рецензия». Теперь его язвительные нравоучения и научные факты буквально наносят противникам критический ментальный урон!

Его единственный напарник в этом надвигающемся апокалипсисе – Василий Воронов. Нерадивый студент, хронический двоечник и сын криминального авторитета, правда не избалованный, а вечно битый жизнью. Он лишен маны, зато

способен впитывать любой кинетический урон, превращаясь в идеальную живую батарею!

Их дороги никогда не должны были пересечься за пределами университета. Но когда мир превращается в игру, язвительному ученому и его самому проблемному студенту предстоит стать Охотниками Бюро Ликвидации Разломов.

Вместе этой абсурдной команде предстоит получить Лицензию, утереть нос элите киберспортсменов и спуститься в смертельные аномалии. Ведь монстры всего лишь переменные в уравнении, а любую Систему можно взломать, если применить к ней высшую математику. Но чем дальше они заходят, тем яснее понимают, что некоторые Порталы ведут не только в чужие реальности, но и к ответам, которые лучше было бы никогда не находить.

Потому что в одном из таких миров Васю уже ждет его давно умершая мать. А Профессора – правда о том, кем он является на самом деле.

Содержание

Глава 1. Теория Хаоса	5
Глава 2. Эффект паука	14
Глава 3. Эмпирический метод в полевых условиях	21
Глава 4. «Академическая Рецензия»	28
Глава 5. Калибровка констант	36
Глава 6. Иррациональная погрешность	43
Глава 7. Погрешность в наследственности	49
Глава 8. Смертельная угроза	57
Глава 9. Бегите, глупцы!	64
Глава 10. Топ-3 мирового рейтинга Охотников	70
Глава 11. Теоретический минимум	77
Глава 12. Логин в Систему	88
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Глава 1. Теория Хаоса

*Дожди с небес, потоки с гор мутят
 Речную
глубь.
 В волнах не стало брода,
 В лесах не стало
лиственного свода,
 Лишь ветры оголенные сви-
стят.
 Сменил весну и лето зимний хлад,
 Всё
унеслось в круговращенье года,
 И Рок забыл, жива
ль ещё природа,
 Гармония ли в мире или разлад.
 Но Время точно свой блюдет порядок.
 А мир... а в
мире столько неполадок,
 Как будто нас отверг Все-
вышний сам.
 Всё ясное, обычное, простое,
 Всё
спуталось, и рухнули устои.
 А жизни нет. Жизнь
только снится нам.
 (Луис Камонс)*

Мел крошился в пальцах Аркадия Львовича, оставляя на подушечках неприятную, сухую пыль, которая въедалась в микротрещины кожи и вызывала непреодолимое желание вымыть руки с мылом. Кафедра снова закупила партию отвратительного качества. Он ненавидел дешевый мел так же сильно, как и дешевые оправдания.

– Таким образом, господа студенты, если мы допустим, что волновая функция не коллапсирует при наблюдении, то все вы здесь присутствующие не более чем вероятностная флуктуация, причем, судя по вашим лицам, крайне неудач-

ная.

В огромной, пропахшей старым лаком и пылью аудитории стояла гробовая тишина. Слышно было лишь назойливое гудение люминесцентной лампы под потолком да глухой стук капель по жестяному подоконнику. Громов медленно повернулся к амфитеатру. Двести глаз, выхваченных из полумрака тусклым светом, смотрели на него с выражением священного ужаса пополам со скукой. Ни искры понимания. Ни единого кванта интеллекта в этой студенческой массе.

– Воронов! – рявкнул профессор, словно выстрелил, целясь в самую гущу этого академического болота.

На задней парте, скрипнув расшатанным деревом, дернулось массивное тело. Парень в потертой серой толстовке, который последние двадцать минут успешно имитировал глубокую кому, подпирая щеку кулаком, вскочил, едва не опрокинув стул. Вид у него был помятый: круги под глазами такие черные и глубокие, что в них, с точки зрения астрофизики, можно было смело изучать горизонт событий.

– Я... здесь, Аркадий Львович.

– Физически вы здесь, Воронов. А ментально вы, похоже, в ночном клубе, тратите деньги своего папеньки. Прошу к доске.

Василий Воронов, коренастый, широкоплечий и стриженный практически под ноль, тяжело поплелся вниз по ступеням. Его кроссовки раздражающе скрипели по вытертому линолеуму. Громов брезгливо поджал губы, провожая

взглядом эту неуклюжую гору мышц. Типичный представитель золотой молодежи, решивший поиграть в демократию и слиться с народом. Сын местного «авторитета», фамилию которого в городе произносили шепотом, опасно оглядываясь. Для Громова же он был просто статистической погрешностью в ведомости. «Студент. Тип: Необучаемый».

– Напишите нам уравнение Шредингера для частицы в одномерной потенциальной яме.

Воронов взял мел. Крупная рука с обгрызенными ногтями у него откровенно дрожала. Он вывел кривую, неестественно растянутую «Пси», скрипнув мелом так, что у половины первого ряда свело зубы, потом замер. Грифель завис в миллиметре от зеленой доски.

– Ну же, – Громов постучал указательным пальцем по циферблату своих строгих швейцарских часов. Сухой металлический звук отмерил еще секунду потерянного времени. – Энтропия растет, Воронов. Мы все стареем, пока вы смотрите на доску.

– Я... я забыл, профессор.

– Вы не забыли. Вы не знали. – Громов подошел ближе. Его тонкое обоняние уловило исходящий от студента запах... нет, не дорогого парфюма из дьюти-фри, а дешевого, пережженного кофе из автомата и какой-то резкой, камфорной мази от ушибов. Странный ароматический профиль для мажора. – Два балла. Вон из моей аудитории.

– Аркадий Львович, дайте шанс, – голос парня хрипел,

словно ему физически было тяжело говорить. – Я учил, просто... голова раскалывается.

– У пустого сосуда не может быть головной боли, там нечему болеть из-за отсутствия давления, – ядовито парировал Громов, скрестив руки на груди.

И в этот момент мир моргнул.

Это не было фигурой речи. Пространство вокруг буквально дернулось, словно пленка в старом проекторе слетела с катушек. Воздух мгновенно потяжелел, в ушах зазвенело на высокой, почти инфразвуковой частоте, а в нос ударил резкий запах озона, как перед сильной грозой. Сначала Громову показалось, что у него отслоилась сетчатка. Перед глазами поплыли агрессивные синие мушки. Он намертво схватился за полированный край дубовой кафедры, чтобы не упасть, чувствуя, как слабеют колени.

«Давление? В мои годы? Абсурд! Моя сердечно-сосудистая система работает как мои новые часы!»

Он с трудом поднял взгляд на Воронова. Но вместо помятого лица нерадивого студента он увидел висящую прямо в пространстве полупрозрачную, слегка светящуюся неон-табличку. Текст на ней был набран ужасным, абсолютно нечитабельным шрифтом без засечек, настоящий дизайнерский кошмар, оскорбляющий эстетические чувства.

[Объект: Василий Воронов]

[Состояние: Истощение II степени (Дебафф: -40% к Интеллекту, -20% к Ловкости)]

[Скрытый перк: «Стальная воля» (Заблокировано)]

Громов свободной рукой снял очки, судорожно протер их краем твидового пиджака, оставив мутный развод на линзе, и водрузил обратно на переносицу. Табличка не исчезла. Она плавно покачивалась в такт дыханию студента, висая над его стриженной головой, как нимб, только цифровой и удручающе пошлый.

– Что за... – прошептал профессор, чувствуя, как пересыхает во рту.

Прямо перед его носом, с тихим электронным шелестом, развернулось новое окно, перекрывая испуганное, покрытое испариной лицо Василия:

[Система приветствует вас, Пользователь!]

[Ваш класс определен: «Ментор» (Редкий)]

[Первое задание: Не дайте объекту «Воронов» отчислиться. Награда: Доступ к базе данных Системы. Наказание: Инсульт.]

– Инсульт? – Громов прочитал последнее слово вслух, и его поставленный лекторский баритон позорно сорвался на фальцет. – Вы мне угрожаете?!

Студенты в амфитеатре растерянно переглянулись. Скрипнули стулья. Воронов осторожно, словно перед ним стояла неразорвавшаяся мина, сделал шаг назад, вжимаясь лопатками в доску.

– Аркадий Львович, вам плохо? Может, скорую?

– Мне не плохо, Воронов! – заорал Громов, яростно бура-

вя взглядом пустоту перед собой. – Мне отвратительно! Кто написал этот интерфейс? Здесь же кернинг «пляшет»! Межбуквенный интервал абсолютно не выверен!

Студенты на первых рядах синхронно, как по команде, вжались в парты, стараясь слиться с мебелью. Староста группы, отличница Леночка Сеницына, у которой от страха округлились глаза, уже дрожащими пальцами достала телефон, явно гугля симптомы острой шизофрении или судорожно ища номер деканата. Громов крепко зажмурился. Во тьме под веками плясали остаточные зеленые пятна. Он начал медленно считать до десяти, применяя метод диафрагмальной дыхательной гимнастики, который от скуки вычитал в какой-то псевдонаучной брошюре, сидя в очереди к стоматологу.

«Это галлюцинация. Сосудистый спазм коры головного мозга. Острое кислородное голодание. Я сейчас открою глаза, и эта пошлая голубая табличка исчезнет, подчиняясь законам объективной реальности!»

Он открыл глаза. Реальность законам не подчинилась. Табличка не просто не исчезла, более того, она нагло и ритмично пульсировала тревожным красным светом.

[Внимание! Игнорирование системного уведомления повышает уровень стресса.]

[Текущий пульс: 110 уд./мин. Вероятность микроинсульта: 18%.]

[Рекомендуемое действие: Принять квест.]

– Шантаж... – просипел Аркадий Львович. Пальцы непослушно дернули и ослабили тугой узел галстука, который вдруг показался ему стягивающейся удавкой. – Примитивный, бинарный шантаж, достойный алгоритма стиральной машины!

Он заставил себя перевести взгляд на Воронова. Тот все еще стоял у доски, неловко переминаясь с ноги на ногу, словно медведь на ярмарке. Мел в его сжатой руке с тихим хрустом сломался, испачкав пальцы и ладонь влажной белой крошкой. Громов прищурился. Теперь, когда первая, чисто физиологическая волна шока прошла, в нем проснулся въедливый исследователь. Если это галлюцинация, порожденная его собственным уставшим разумом, то почему она такая дьявольски детализированная? Он внимательно, словно изучая показания осциллографа, всмотрелся в строку состояния над головой студента.

[Дебафф: «Хронический недосып». Длительность: 48 часов.]

[Дебафф: «Голод». Уровень энергии: 12/100.]

[Дебафф: «Гематома ребер». Получено 4 часа назад. Источник: Тупой удар.]

– Тупой удар... – машинально, одними губами повторил Громов.

Воронов вздрогнул, словно его ударили током, и инстинктивно, почти незаметно, прижал тяжелый локоть к левому боку. Это микроскопическое движение, секундная попытка

защитить уязвимое место не укрылась от профессора. Аркадий Львович был кем угодно: тираном, академическим деспотом, невыносимым снобом, но он был дьявольски наблюдателен. Математика требует абсолютного внимания к деталям, иначе уравнение рассыплется.

– Что с ребрами, Воронов? – спросил он уже тише, сбросив децибелы, но тон остался прежним, скрипучим и непреклонным, как несмазанная дверь старого склепа.

Василий округлил и без того большие глаза, на лице проступила искренняя паника:

– В смысле? Ничего. Упал.

– Упали? – Громов скептически хмыкнул, чувствуя, как прямо перед глазами, в зоне периферического зрения, снова всплывает назойливое системное окно. – С лестницы? На чей-то заботливо подставленный кулак? Или, учитывая вашу биографию, на чью-то арматуру?

[Навык «Анализ» активирован пассивно. Прогресс изучения: 2%.]

Громов раздраженно отмахнулся от всплывающего сообщения рукой, словно от назойливой осенней мухи. Рука ожидаемо прошла сквозь полупрозрачные пиксели, но... на коже появилось странное ощущение. Легкое, почти статическое покалывание на кончиках пальцев, словно он прикоснулся к экрану старого кинескопного телевизора. Тактильная обратная связь у проекции?! Это уже ни в какие ворота! Это ломало всю известную ему физику!

– Аркадий Львович, вы воздух бьете... – осторожно, дрожащим голосом заметила Синицына с первого ряда, прижимая к груди конспект.

– Я бью человеческую глупость, Синицына, но она, как известно, бесконечна, вездесуща и обладает удивительной сопротивляемостью к внешним воздействиям, – огрызнулся профессор, не отрывая взгляда от висящих в воздухе букв. Он снова посмотрел на «задание».

«Не дайте объекту «Воронов» отчислиться».

Уравнение с одним неизвестным. Если он сейчас выгонит парня с лекции и с наслаждением впишет жирные два балла в ведомость, то это гарантированное отчисление. У Воронова и так академических «хвостов» больше, чем у кометы Галлея. Если верить этой дурацкой светящейся табличке, наказанием за невыполнение будет insult. Громов, будучи человеком науки до мозга костей, конечно, не верил в дешевую мистику, но он прекрасно знал, как работает психосоматика. Если его собственный мозг, по какой-то причине давший сбой, решит, что организм должен умереть из-за невыполнения иллюзорной задачи, он вполне может организовать спазм сосудов и остановку сердца из чистой, биологической вредности. Рисковать единственным, что у него было, собственным гениальным разумом, профессор не собирался.

Глава 2. Эффект паука

– Значит так, – Громов резко выпрямился, расправляя плечи и возвращая себе привычную, монументальную осанку римского патриция, с легким презрением взирающего на толпу необразованных варваров. – Уравнение вы не написали. Это эмпирический факт. Ваше присутствие здесь в данный момент прямое оскорбление науки. Это тоже неоспоримый факт.

Вася уныло опустил голову. Его широкие плечи безнадежно поникли, он стал казаться меньше ростом. Над коротко стриженной макушкой парня тут же выскочила новая пульсирующая строчка:

[Мораль падает. Риск срыва квеста растет.]

– Но! – Громов величественно поднял указательный палец вверх, призывая к тишине. – Я сегодня в... исключительно экспериментальном настроении. Садитесь на свое место, Воронов. Двойку я вам пока не ставлю.

Аудитория выдохнула единым, протяжным «О-о-о», полным абсолютного недоверия. Воздух в помещении дрогнул. Громов, «Гром» и «Ужас кафедры», никогда и никому не прощал незнания предмета. Это было все равно, что проснуться утром и услышать в новостях, словно гравитация решила с сегодняшнего дня больше не работать по выходным.

– Но не обольщайтесь, юноша, – профессор чеканным шагом подошел к своему столу и с такой силой ударил плоской ладонью по картонной обложке журнала, что в воздух взвилось облачко пыли. – Вы придете ко мне на кафедру сегодня ровно в восемь вечера. Будем искать в вашей пустой голове хотя бы остаточные следы серого вещества. И если я их там не обнаружу, Воронов, я лично, каллиграфическим почерком, напишу докладную записку на имя ректора. Вам ясно?

– В восемь? – Вася побледнел так, что на фоне смуглой кожи стали видны веснушки. – Аркадий Львович, я никак не могу в восемь. У меня... обстоятельства...

– Обстоятельства, юноша, есть у электронов, находящихся в квантовой суперпозиции. А у вас в вашей примитивной макроскопической системе координат есть только выбор: диплом или... – Громов запнулся на полуслове, уставившись на обновляющийся интерфейс.

[Подсказка: Объект работает в ночную смену на складе «Пятерочки». Начало смены: 21:00.]

Информация появилась в голове сама собой, словно кто-то загрузил файл напрямую в зрительную кору. Громов почувствовал неприятный, колющий холодок, скользнувший вдоль позвоночника. Откуда его мозг может знать точное расписание смен этого нерадивого оболтуса? Он что, подсознательно следит за студентами в свободное время? Полнейший бред.

– ...или бесперспективная работа грузчиком до конца ва-

ших дней, – жестко закончил он фразу, интуитивно понимая, что попал в самую болезненную точку.

Вася дернулся всем телом, словно от хлесткой пощечины. Он поднял взгляд и посмотрел на строгого профессора с неподдельным испугом и, кажется, впервые за все время обучения с искренним уважением. Откуда этот высохший старик может знать про склад?

– Я приду, – тихо, но твердо сказал Воронов, сжимая кулаки. – Я приду, Аркадий Львович.

[Квест принят.]

[Награда: Жизнь (ваша).]

[Дополнительно: Разблокирован навык «Академическая Рецензия».]

Громов, стараясь не выдать слабости, тяжело опустился на скрипучий стул. Голова все еще противно кружилась, но бешеный пульс в висках начал постепенно замедляться, возвращаясь к норме. Он достал из нагрудного кармана безупречно чистый носовой платок и промокнул выступившую на лбу холодную испарину.

– Лекция окончена, – сухо бросил он, демонстративно не глядя на притихших студентов и принимаясь перекладывать бумаги на столе. – Все вон отсюда. Читать третью главу Ландау-Лифшица до полного просветления. Кто не поймет суть написанного, на следующую лекцию лучше не приходите.

Студенты, с грохотом отодвигая стулья и роняя ручки, ломанулись к выходу, радуясь этому невероятному, счастли-

вому освобождению, как школьники звонку с урока. В коридоре нарастал гул голосов. Вася уходил последним. Закинув рюкзак на одно плечо, он обернулся у массивной двери, странно, изучающе посмотрел на сгорбившегося над столом профессора, словно хотел задать какой-то важный вопрос, но передумал, мотнул головой и вышел, тихо прикрыв за собой створку.

Оставшись в благословенном одиночестве пустой, гудящей тишиной аудитории, в которой медленно оседала поднятая десятками ног пыль, Аркадий Львович наконец снял очки и положил их на полированную столешницу. Перед ним, прямо в воздухе, слегка подсвечивая пылинки неоновым синим, висело меню. Оно было полупрозрачным, имело легкий градиент и было ужасно, невыносимо раздражающим своей нелогичностью. На верхней панели располагались вкладки: «Персонаж», «Инвентарь», «Репутация», «Карта».

– Ну допустим, – вслух сказал Громов тишине, проверяя акустику и собственную адекватность. – Допустим, я все-таки сошел с ума. Это рабочая гипотеза номер один.

Он осторожно, словно ожидая удара током, протянул руку и нажал указательным пальцем на вкладку «Персонаж». Палец встретил легкое, упругое сопротивление, а затем вкладка развернулась со звуком шелестящей бумаги.

Имя: Аркадий Львович Громов

Раса: Человек (Увядающий)

Класс: Ментор (Скрытый)

Сила: Очень низкий (вы с трудом открываете банку с огурцами)

Ловкость: Низкий (осторожнее на льду)

Интеллект: Выше среднего (но ваше эго считает, что 100)

Мудрость: Выше среднего (знать формулы – не значит понимать жизнь)

Харизма: Отрицательная (вас боятся, но слушают)

– «Увядающий»?! – возмутился профессор в голос, его возмущению не было предела. – «Банку с огурцами»?! Это был заводской вакуумный затвор, его намертво заклинило на резьбе! Хамство. Какое невероятное, беспрецедентное цифровое хамство!

Он порывисто встал, сгреб бумаги и затолкал их в свой старый кожаный портфель. Замки щелкнули. Руки предательски дрожали, выдавая запредельный уровень кортизола в крови, но острый, натренированный десятилетиями науки разум уже лихорадочно искал логическое решение проблемы. Ему нужно собрать статистические данные. Провести серию эмпирических экспериментов. Верифицировать источник излучения или галлюцинации. Он подошел к двери и потянулся к пластиковому выключателю, чтобы погасить свет в аудитории.

На потрескавшейся штукатурке, прямо рядом с выключателем, сидел паук. Обычный, безобидный домашний паук-сенокосец, раскинувший свои длинные, тощие лапки.

Как только взгляд Громова сфокусировался на членистоногом, над пауком тут же всплыла крошечная, аккуратная надпись:

[Враг: Паук обыкновенный. Опасность: Ничтожная.]

Громов посмотрел на него. В его разогретой стрессом голове сама собой, без малейшего усилия, сформировалась сложная, многоуровневая словесная конструкция, математически точно описывающая абсолютную никчемность этого создания. Слова рвались наружу, обжигая язык, требуя немедленной вербализации.

– Твоя паутина геометрически асимметрична, узлы крепления не выдерживают критики, а само твое существование абсолютно бессмысленно в масштабах эволюции данного кабинета физики, – сухо и безжалостно буркнул он.

Паук в ту же секунду сжался в крошечный комоч, лапки его судорожно подогнулись, он беспомощно отцепился от стены, упал с невидимой паутины вниз и навсегда замер на грязном линолеуме кверху брюшком. В воздухе победно всплыл зеленый текст:

[Критический удар «Рецензией»! Цель нейтрализована моральным давлением. Получен опыт для развития навыка.]

Аркадий Львович Громов, доктор физико-математических наук, автор трех монографий и почетный член Академии, стоял один в полутьме над крошечнымдохлым пауком и чувствовал, как уголок его тонкого рта сам собой ползет

вверх в нервной, совершенно безумной, но полной исследовательского азарта улыбке.

– Ну что ж, – удовлетворенно сказал он, подхватывая портфель. – По крайней мере, практикой доказано: это работает. Посмотрим, как данный инструментарий сработает вечером на Воронове. Главное не прибить его случайно, как того паука.

Глава 3. Эмпирический метод в полевых условиях

Кафедра теоретической физики в восемь вечера напоминала склеп, только без присущей подобным местам готической романтики. Пахло старой, медленно разлагающейся бумагой, остывшим сублимированным кофе, который вьелся в самую штукатурку, и несбывшимися надеждами на государственные гранты. Аркадий Львович Громов сидел за своим массивным столом, мерно, с математической точностью постукивая сухими пальцами по полированной столешнице. На обшарпанной стене тикали дешевые кварцевые часы, безжалостно отмеряя секунды его стремительно иссякающего терпения. А терпения у профессора было меньше, чем антивещества в известной части вселенной.

Восемь пятнадцать.

– Опаздываем, – процедил он сквозь зубы, обращаясь к пустому стулу, заботливо приготовленному для интеллектуальной экзекуции студента Воронова. – Пунктуальность – вежливость королей и обязанность должников. А вы, Воронов, должник.

В густом, пыльном воздухе кабинета вдруг мелодично дзынькнуло, словно кто-то ударил серебряной ложечкой по хрустальному бокалу. Громов недовольно поморщился. Этот

звук он уже начинал узнавать, так звучал цифровой приговор его и без того расшатанной нервной системе.

[Внимание! Подопечный «Василий Воронов» нарушил условия устного договора.]

[Статус квеста: Под угрозой.]

[Штрафные санкции: Временное снижение характеристики «Харизма». (Вы будете выглядеть еще более отталкивающе, чем обычно).]

[Дополнительно: Легкая аритмия в качестве предупреждения.]

Сердце профессора, долгие годы работавшее с надежностью швейцарского хронометра, вдруг мучительно пропустило удар. В груди образовалась ледяная пустота, а затем мотор забился в рваном, паническом ритме, словно сумасшедший джазовый барабанщик под амфетаминами выдавал соло на его миокарде. Громов побелел и судорожно схватился за грудь, с хрипом хватая ртом спертый воздух кабинета.

– Ах ты ж... кремниевая сволочь! – прохрипел он, в бесильной ярости глядя в потрескавшийся потолок. – Это биологический терроризм!

Боль отступила так же внезапно, как и пришла, словно кто-то просто щелкнул тумблером. Она оставила после себя липкий, холодный пот на лбу, дрожь в пальцах и кристально четкое понимание: с этой галлюцинацией, будь она трижды проклята всеми законами физики, шутить нельзя. Если неизвестная Система, способная напрямую воздействовать

на его синусовый узел, сказала «надо», значит, надо.

Громов вскочил, едва не опрокинув тяжелый стул. Он порывисто накинул свое драповое безупречно вычищенное пальто, монументальное, как его собственные академические принципы, и крепко схватил потертый кожаный портфель.

— Где он? — спросил он в пустоту, чувствуя себя полным идиотом. — Покажи мне координаты этой ошибки природы.

Перед глазами с тихим шелестом развернулась полупрозрачная карта города. Она была наложена прямо на объективную реальность, светящимися неоновыми линиями перекрывая унылый вид на пыльный кафедральный фикус. Ярко-красная точка тревожно пульсировала на самой окраине, в глухой промзоне, где приличные люди появлялись только в багажниках тонированных автомобилей, предварительно завернутые в ковер.

[Локация: Складской комплекс «Заря-4». Расстояние: 12 км.]

[Рекомендуемый транспорт: Такси «Эконом». (На «Бизнес» у вас не хватит текущего баланса денег).]

— Я поеду на «Комфорте» из принципа! — рявкнул Громов, решительно выбегая в темный коридор.

Седой охранник на вахте, разгадывающий сканворд, испуганно перекрестился, увидев перекошенное от гнева лицо профессора, который яростно разговаривал с пустотой перед собой.

Таксиста звали Улугбек, и в салоне его прокуренной «Лады» играл русский шансон на такой запредельной громкости, что у Громова физически вибрировали зубные пломбы. Обычно Аркадий Львович не преминул бы прочитать водителю часовую лекцию об акустическом загрязнении окружающей среды и деградации нейронных связей от примитивных ритмов, но сейчас он был слишком занят изучением интерфейса, плавающего прямо над приборной панелью.

Пока они стояли в вечерней пробке, вдыхая запах жженого сцепления и дешевого освежителя воздуха «елочка», Громов выяснил, что у него есть «Инвентарь» (абсолютно пустой, если не считать пары горсток виртуальной серой пыли по углам слотов), и ветка талантов, в которой тускло горел пока только один доступный навык: «Академическая Рецензия».

Описание гласило: *«Слово ранит сильнее меча, особенно если это слово произнесено с правильной интонацией и подкреплено фактами. Наносит ментальный урон, зависящий от Интеллекта пользователя и глупости цели».*

– Любопытно, – задумчиво пробормотал профессор, потирая гладко выбритый подбородок. – Зависимость от глупости цели... Значит, против идиотов я абсолютное оружие массового поражения.

Машина, скрипя подвеской, свернула в промзону. Пейзаж за грязным стеклом резко сменился: вместо ярких огней исторического центра потянулись унылые, поросшие мхом бе-

тонные заборы с ржавой колючей проволокой, горы искореженного металла, похожие на скелеты доисторических чудовищ, и стаи бродячих собак, провожающих машину тяжелыми, по-человечески голодными взглядами.

– Приехали, начальник. Дальше не поеду, там дорога смерть подвеске, – безапелляционно заявил Улугбек, тормозя у покосившихся, изъеденных коррозией ворот с едва читаемой надписью «Склад №4. Оптовая база».

Громов быстро расплатился, открыл тугую дверцу, вышел из машины и тут же, со смачным хлопанием, угодил начищенным ботинком в глубокую лужу, покрытую радужной бензиновой пленкой. Ледяная вода мгновенно просочилась сквозь кожу.

– Великолепно, – мрачно констатировал он, глядя на безнадежно испорченную обувь. – Энтропия в чистом виде. Хаос и грязь.

Прямо над покосившимися воротами, перекрывая ржавчину, висела угрожающая системная метка:

[Зона повышенной опасности. Ваш уровень навыков слишком низкий. Вы уверены?]

– Я уверен только в том, что Воронов с лихвой заплатит за мою химчистку, – проворчал профессор, плотнее запахивая пальто от сырого ветра, и решительно шагнул в темноту пропускного пункта.

Внутри гигантского, похожего на ангар для дирижаблей помещения было невыносимо шумно и промозгло. Ледяные

сквозняки свободно гуляли между высокими штабелями деревянных паллет. Под высоким жестяным потолком с мерзким электрическим треском гудели дешевые лампы дневного света, нещадно мигая и придавая уставшим лицам суесящихся рабочих мертвенно-бледный, зомбиподобный оттенок. Пахло пролитым машинным маслом, влажным картоном и мышинным пометом. Громов осторожно шел между рядами бесконечных коробок с дешевыми макаронами и сомнительной тушенкой, чувствуя себя Данте, спустившимся на производственные круги ада.

Он нашел Воронова в самой глубине зала, в погрузочной зоне. Зрелище было, надо признать, впечатляющим, хоть и абсолютно антинаучным с точки зрения биомеханики. Василий, одетый в грязную, пропитанную потом синюю спецовку, в одиночку, упираясь кедрами в скользкий бетон, толкал гидравлическую тележку. Та была нагружена так, что железные колеса жалобно визжали. На тележке, угрожающе кренясь, стоял огромный поддон с мешками сахара. Общий вес килограммов триста, не меньше. Прямо над вспотевшей головой студента светилась тонкая полоска здоровья, окрашенная в тревожный, мигающий желтый цвет.

[Василий Воронов]

[Состояние: Перегрузка. Выносливость падает.]

[Действие: Прокачка характеристики «Сила». Текущий прогресс: 99/100.]

– Спину держи ровнее, идиот! – крикнул Громов, пере-

крывая натужный гул проезжающего мимо вилочного погрузчика. – Вектор силы должен быть направлен от бедра, а не от поясницы! Ты сорвешь свой хрупкий позвоночник раньше, чем получишь диплом!

Глава 4. «Академическая Рецензия»

Вася вздрогнул всем своим огромным телом, от неожиданности чуть не выронив металлическую ручку тележки. Мешки опасно качнулись. Он резко обернулся, тяжело дыша и вытирая пот со лба грязным рукавом спецовки. Глаза у него стали круглыми, как блюдца из студенческой столовой.

– Аркадий... Львович? – он моргнул, словно отгоняя морок, и потряс головой. – Вы... вы что тут делаете? Это глюк? Я переработал?

– Я – ваша совесть, Воронов. Материализованная и крайне недовольная происходящим процессом, – Громов подошел ближе, брезгливо, на цыпочках обходя липкую лужу пролитого какого-то сока. – Почему вы не явились на кафедру? Я ждал пятнадцать минут. Мое время стоит значительно дороже, чем весь этот ветхий склад вместе с его углеводным содержимым.

– Я не мог... Сменщик заболел. Если уйду до конца смены уволят, – Вася виновато опустил взгляд на свои истертые кроссовки. – Штраф влепят такой, что месяц бесплатно тут горбатиться буду. Простите.

Громов сурово открыл рот, чтобы выдать идеально выверенную тираду о расстановке жизненных приоритетов, но

его бесцеремонно перебил грубый, прокуренный до хрипоты бас:

– Эй, Васек! Ты чего застрял, как хрен в рукомойнике? Опять ворон считаешь? И что это за клоун с тобой нарисовался? Дедушка приехал с гостинцами?

К ним, тяжело топая рабочими ботинками, приближался мужик необъятных размеров. На нем была засаленная серая жилетка, которая буквально трещала по швам на массивном пивом животе, и выцветшая кепка, надвинутая на самые брови. Лицо багровое, покрытое лопнувшими капиллярами, глаза маленькие, пороссячи и злые. Типичный местный царек, упивающийся своей крошечной властью над грузчиками. Над его кепкой с тихим щелчком всплыла системная рамка:

[Цель: Бригадир Михалыч]

[Класс: Надсмотрщик (Обычный)]

[Особенности: Мелкое воровство, Садизм, Алкоголизм I стадии.]

[Уязвимость: Комплекс неполноценности из-за отсутствия высшего образования.]

Громов изящным движением поправил очки на переносице. «Комплекс неполноценности», значит? Ну что ж. Идеальная мишень для эмпирического тестирования.

– Клоун? – переспросил профессор ледяным тоном, от которого у Васи по спине пробежали мурашки. – Молодой человек, я бы настоятельно попросил вас выбирать выражения.

Согласно теории вероятности, шанс того, что вы сейчас скажете что-то умное, стремится к абсолютному нулю, но ради чистоты эксперимента попытаться стоит.

Михалыч резко затормозил, едва не поскользнувшись, и агрессивно упер толстые руки в бока. Услышав перепалку, вокруг начали медленно стягиваться другие грузчики, бросая работу и предвкушая бесплатное развлечение.

– Ты кто такой вообще, интеллигент недоделанный? – Михалыч презрительно сплюнул прямо под ноги Громову, едва не попав на ботинок. – Вали отсюда по-хорошему, пока я тебе твои очечки в другое физиологическое отверстие не засунул. Это частная территория. А ты, Васек, минус пятьсот рублей из зарплаты за простой. И за то, что дружков своих водишь.

Вася побелел от гнева и сжал кулаки так, что побелели костяшки:

– Михалыч, не надо. Это мой преподаватель из универа. Он уже уходит.

– Преподаватель? – бригадир запрокинул голову и издевательски загоготал, обнажая ряд желтых, прокуренных зубов. – Учит тебя, как по жизни быть лохом в пальто?

Громов почувствовал, как внутри закипает холодная, расчетливая ярость. Не из-за себя, к хамству приматов у него был иммунитет. Из-за парня. Он видел, как могучий Вася сжался под этим издевательским смехом, как мгновенно погасла едва вспыхнувшая искра достоинства в его глазах.

Система в голове тревожно пискнула: *[Мораль подопечного критически падает. Вмешайтесь!]*

– Активировать навык «Рецензия», – едва слышно прошептал Громов.

Мир вокруг мгновенно замедлился, звуки складского гула превратились в тягучее, басовитое гудение. Цвета потускнели, оставив лишь четкие контуры объектов. На грузном теле бригадира, словно в сканере терминатора, один за другим начали вспыхивать яркие красные маркеры с подписями:

«Нестирная одежда: признак глубокой бытовой деградации и низкой социальной ответственности».

«Запах перегара: сивушные масла, нарушение трудового кодекса, статья 81 ТК РФ».

«Выпирающий геометрический контур в левом кармане: вес 760 грамм – украденные две банки сгущенки».

«Речевой аппарат: артикуляция нарушена, словарный запас на уровне примата-переростка».

Громов сделал выверенный шаг вперед, не моргая глядя бригадиру прямо в переносицу.

– Послушайте меня внимательно, вы, примитивная углеводная форма жизни, – начал он тихо, но его академический голос, внезапно усиленный скрытой магией Системы, разнесся по гулкому ангару, как раскат грома, заставив замолчать даже работающий вдалеке погрузчик. – Ваша убогая попытка доминировать в этой ограниченной социальной группе выглядит не просто нелепо, она выглядит жалко. Вы

пытаетесь компенсировать свою абсолютную интеллектуальную импотенцию дешевой агрессией, но, увы, даже это у вас получается исключительно посредственно.

Михалыч ошарашенно открыл рот, словно выброшенная на берег рыба, но не смог издать ни единого звука. Его багровое лицо начало наливаться пунцовой краской, а глазки забегали от внезапного животного ужаса.

– И прежде чем вы попытаетесь применить ко мне физическую силу, что, безусловно, является абсолютным пределом вашей скудной когнитивной функции, – продолжил профессор, делая еще один шаг и наступая, словно ледокол на льдину, – я бы настоятельно рекомендовал вам вернуть на складской учет две банки сгущенного молока. Те самые, которые вы примитивно украли десять минут назад и которые прямо сейчас предательски оттягивают ваш левый карман. Иначе я вызову наряд полиции и составлю заявление с такой юридической и грамматической педантичностью, что вы сядете не за банальную кражу, а за оскорбление эстетических чувств человечества самым фактом своего существования!

Над втянутой в плечи головой Михалыча ярко вспыхнул системный урон:

[Ментальный удар!]

[Критический удар правдой!]

[Эффект: «Стыд и Страх» 5 минут]

Бригадир судорожно, почти рефлекторно схватился за оттопыренный левый карман. Характерный жестяной звон ба-

нок в наступившей мертвой тишине был слышен абсолютно всем. Толпа грузчиков позади него злорадно захихикала, перешептываясь. Дутый авторитет «Надсмотрщика» с треском рухнул куда-то глубоко под грязный бетонный пол.

– Ты... ты че... – Михалыч неуклюже попятился, задышавшись от возмущения, позора и совершенно непонятного, мистического страха, сковавшего его волю. Он не понимал и половины произнесенных слов, но стальная интонация и убийственный взгляд профессора буквально вдавили его в бетон. – Да пошли вы оба! Васек! Чтоб завтра духу твоего на базе не было! Уволен к чертовой матери!!!

Он развернулся и, спотыкаясь о собственные ноги, почти побежал укрыться в свою захламленную каморку, провожаемый откровенным улюлюканьем осмелевших рабочих.

Шумная реальность медленно вернулась в холодный ангар. Вася, забыв о тяжелой тележке, смотрел на профессора так, словно тот только что голыми руками на полном ходу остановил товарный поезд.

– Вы его... просто словами... – благоговейно прошептал студент. – Аркадий Львович, вы что, маг?

– Я доктор физико-математических наук, Воронов. В условиях современного невежества это гораздо страшнее магии, – Громов брезгливо отряхнул лацкан своего пальто, хотя тот был абсолютно чист. – И раз уж вас официально уволили, смею предположить, у вас чудесным образом освободилось время для науки.

Он внимательно огляделся по сторонам, нашел глазами более-менее чистый перевернутый деревянный ящик из-под яблок, извлек из внутреннего кармана пальто сложенный вчетверо лист бумаги и ручку.

– Садитесь.

– Куда? – не понял опешивший Вася.

– Сюда, – Громов безапелляционно указал на ящик. – У нас есть ровно два часа до закрытия станции метро. Мы будем решать задачи по квантовой механике прямо здесь, в этих спартанских условиях. И если вы, Воронов, не решите мне уравнение Шредингера до того, как этот рассадник антисанитарии закроется, я применю свой открывшийся навык лично на вас. И поверьте мне на слово, про вашу систематическую кражу времени у собственной жизни я скажу гораздо жестче и больнее, чем этому примату.

Вася тяжело сглотнул вставший в горле ком, но в его потемневших глазах, где еще пять минут назад плескалась тупая безнадега, вдруг зажглось что-то совершенно новое, яркое. Азарт? Или просто первобытный страх перед этим пугающим, безумным стариком, ломающим реальность словами?

– Пишите, Воронов: «Пусть дана абстрактная частица в бесконечно глубокой одномерной потенциальной яме...»

[Система: Отношение с персонажем «Василий Воронов» улучшено.]

[Получено опыт. Недостаточно для поднятия уровня]

[Внимание: Вы привлекли внимание локальной криминальной группировки «Синие». Будьте осторожны.]

Громов, прочитав последнее предупреждение, лишь презрительно усмехнулся краешком тонких губ. «Синие». Какое убогое, банальное название для преступного элемента. То ли дело фундаментальные частицы, «Кварки» или «Бозоны».

– Чего вы ждете, Воронов? Энтропия не дремлет!

Глава 5. Калибровка констант

Аркадий Львович стоял у доски в пустой аудитории, яростно чертя мелом график. Мел скрипел, крошился, оставляя на зеленой поверхности жирные белые полосы. Линия, математически точно описывающая жизненные перспективы студента Воронова, стремительно падала вниз, пробивала нарисованную от руки ось абсцисс и уходила куда-то в район деревянного плинтуса, символизируя полное финансовое и экзистенциальное дно.

– Посмотрите на это, Воронов, – Громов брезгливо ткнул обломком мела в самую нижнюю точку графика, выбив облачко белой пыли. – Это вы. Точнее, ваша финансовая модель. Работа грузчиком приносит вам 1500 рублей за смену и хронический радикулит в перспективе ближайших пяти лет. Расходы на лекарства для вашей бабушки составляют 2000 в сутки. Вопрос: как долго протянет система с отрицательным энергобалансом?

Вася, сидевший за первой партой и с аппетитом уплетавший булку из столовой, обильно посыпанную сахарной пудрой, виновато пожал своими широкими плечами. Крошки посыпались на исчерканную ручками столешницу.

– Ну... я еще кровь сдаю иногда.

– Кровь он сдает, – фыркнул профессор, сдувая меловую пыль с пальцев. Его передернуло от столь вопиющей биоло-

гической неэффективности. – Вы не донор, Воронов, вы истощаемый ресурс. С таким подходом ваш организм скоро объявит дефолт. Мы меняем стратегию.

Громов привычным, уже отработанным взмахом руки открыл перед собой интерфейс. Полупрозрачное синее окно слабо подсветило стекла его очков. За последние два дня он изучил Систему так, как не изучал даже диссертации своих самых безнадежных аспирантов: с ледяным пристрастием, маниакальной дотошностью и жгучим желанием найти критическую ошибку в коде вселенной. Ошибок он не нашел, зато нашел вполне осязаемые алгоритмические закономерности.

– Я проанализировал локальные квесты, – безапелляционно заявил профессор, листая висящие в воздухе строчки. – Мытье полов крайне низкий КПД затраченных усилий. Раздача листовок интеллектуально унинительно и малоприбыльно. Но есть одна статистическая аномалия.

Он развернул перед жующим Васей виртуальное окно. Громов и сам не знал получится ли его продемонстрировать, но, кажется, получилось.

[Квест: Санитарный день]

[Локация: Подвал Главного Корпуса (Лабораторный блок)]

[Цель: Устранить популяцию грызунов-мутантов (0/10)]

[Награда: 5000 рублей, Репутация с Ректоратом]

[Рекомендуемый уровень: Низкий]

– Мутантов? – Вася поперхнулся булкой, закашлявшись так, что покраснел. – Аркадий Львович, это же крысы. Они там с 90-х живут, их даже санстанция боится! Там такие лошади бегают, им только седла не хватает!

– Именно! – глаза Громова за линзами очков сверкнули холодным, фанатичным блеском исследователя, нашедшего золотую жилу. – Никто в здравом уме не берет этот заказ. А значит, согласно законам рыночной экономики Системы, там накопился существенный «бонус за простой». Вставайте, Воронов. Сегодня у нас внеплановая лабораторная работа по прикладной биологии.

Подвал университета встретил их густой, осязаемой тьмой и запахами, от которых слезились глаза. Пахло застоявшейся сыростью, резкими химическими реагентами из треснувших колб и чем-то неуловимо сладковато-гнилостным, напоминающим о бренности плоти. Под подошвами хрустел строительный мусор и битое стекло. Громов шел сзади, осторожно переступая через лужи и освещая путь узким лучом фонарика телефона. Вася, вооруженный тяжелой деревянной шваброй, черенок которой был намертво обмотан синей изолентой: Аркадий Львович уважительно назвал это «модифицированным ударным инструментом кинетического типа», напряженно крался впереди.

– Держите центр тяжести ниже, – шепнул Громов, следя за неуклюжей грацией студента. – И не дышите так громко,

вы сбиваете мне калибровку эхолокации своими вздохами.

[Вы вошли в мини-данж: «Архив забытых экспериментов»]

В непроглядной темноте впереди что-то мерзко зашуршало. Звук был влажным, сопровождаемым цоканьем острых коготков по бетону. Из-за груды старых, покрытых толстым слоем пыли парт, списанных еще при глубоком Брежневце, показались два тускло-красных огонька. Крыса медленно вышла в круг света. Она была размером с хорошо откормленного спаниеля. Жесткая серая шерсть висела грязными клочьями, обнажая бугристую кожу, а длинный лысый хвост, покрытый сочащимися язвами, нервно хлестал по полу.

[Лабораторная Крыса-Альфа. Уровень: Низкий]

[Агрессия: Высокая]

– Ого, – судорожно выдохнул Вася, крепче перехватывая швабру. От твари несло застарелой помойкой.

– Никаких «ого», – холодно скомандовал Громов, доставая из кармана пальто механический секундомер. Металл тихо щелкнул. – Время пошло. У вас ровно три секунды на оценку траектории движения объекта. Атакуйте!

Крыса, словно услышав профессора, издала писк и прыгнула, метя Васе в бедро. Воздух разрезал свист тяжелого дерева. Вася, испугавшись оскаленной пасти с желтыми клыками, зажмурился и махнул шваброй наугад, вложив в удар всю свою недюжинную дурную силу.

– Мимо! – безжалостно прокомментировал профессор, наблюдая, как швабра со звоном врезалась в металлическую ножку парты, высекая искры. – Угол атаки был 45 градусов, а нужен строго 30! Вы бьете по касательной, Воронов, вы гладите ее, а не уничтожаете!

Приземлившись, крыса извернулась и мертвой хваткой цапнула Васю за толстый кроссовок.

– Ай! – Вася отпрыгнул, трясая ногой и пытаясь сбросить повисшую тварь.

– Не айкать! Думать! – Громов сделал уверенный шаг вперед в освещенный круг и мысленно активировал «Рецензию».

Мир вокруг профессора привычно моргнул и снова стал схематичным, лишенным красок. Векторы движения, узлы мышечного напряжения и точки прочности высветились неоновыми линиями. Профессор увидел ярко-красную, пульсирующую уязвимую точку на бугристой шее твари, там, где шейные позвонки крепились к черепу.

– Слушай сюда, жалкая жертва генетической мутации, – ледяным, пробирающим до костей тоном произнес он, глядя прямо в красные бусинки глаз. – Твой фенотип является абсолютным позором для всего отряда грызунов. Твои резцы растут геометрически криво, что неопровержимо говорит о плохом рационе и крайне низком социальном статусе в стае!

Крыса замерла прямо в полете, словно с разбегу наткнулась на невидимую бетонную стену. Ее красные глаза потуск-

нели, усы жалко обвисли.

[Дебафф «Комплекс неполноценности»: Защита снижена на 50%]

– Сейчас, Воронов! Вертикальный удар, полная амплитуда! – заорал Громов, указывая лучом фонарика на застывшую мишень.

Вася, тяжело дыша, перехватил неповоротливую швабру двумя руками, как настоящий боевой посох, поднял над головой и с размаху опустил ее на череп опешившего грызуна. Громкий, влажный хруст ломающейся кости эхом отскочил от стен. Короткий визг. Мертвая тишина.

[Получен опыт]

– Тринадцать секунд, – Громов щелкнул кнопкой секундомера и разочарованно покачал головой. – Отвратительно. Мы катастрофически теряем темп. Если мы будем зачищать этот подвал с такой черепашьей скоростью, то выйдем на базовую рентабельность только к утру.

– Я стараюсь, Аркадий Львович... – Вася тяжело дышал, безглаголиво разглядывая расплюснутую тушку, из-под которой растекалась темная лужица.

– Стараются, Воронов, двоечники перед летней сессией. Профессионалы работают. Следующая цель! Вон там, за стеллажом с просроченными реактивами. И помните физику процесса: сила равна массе, умноженной на ускорение. Вложите массу всего корпуса в удар!

Следующий час превратился в сюрреалистичный, крова-

вый марафон среди гниющего картона и ржавых труб. Влажный воздух подвала наполнился запахом озона, пота и крысиной крови.

– Левее! Корпус повернуть! – властно командовал Громов, стоя на абсолютно безопасном расстоянии и светя фонариком, словно режиссер на съемочной площадке. – Вектор! Следи за вектором приложения силы!

Вася послушно бил. Огромные крысы с визгом летали по подвалу, врезаясь в стены.

– Слишком большой замах! Ты открываешь печень для контратаки!

Глухой удар дерева о плоть. Еще минус одна.

– Используй инерцию швабры! Это классический рычаг первого рода, учи матчасть, пока я добрый!

К десятой, последней крысе, Вася двигался уже не как неповоротливый грузчик со склада, а как начинающий, пусть и грузный, фехтовальщик. Он перестал суетиться, тратить энергию на лишние замахы, его движения стали экономными и пугающе точными. Громов, скрестив руки на груди и наблюдая за этой метаморфозой, одобрительно хмыкнул про себя:

«Обучаем. Тяжело, со скрипом несмазанных шестеренок, но обучаем».

Глава 6. Иррациональная погрешность

Когда последняя, особенно жирная и медлительная крыса, видимо, долгие годы питавшаяся исключительно докторскими диссертациями из архива, пала смертью храбрых, промозглый подвал на мгновение озарила теплая, золотистая вспышка. Свет исходил прямо из воздуха, согревая холодные стены.

[Квест выполнен!]

[На ваш счет зачислено: 5000 рублей]

[Василий Воронов получил Новый Уровень!]

Вася, обессиленно выпустив свое оружие, рухнул спиной прямо на кучу старых, пыльных брезентов, жадно глотая ртом затхлый воздух и вытирая грязное лицо рукавом.

– Мы сделали это... Фух. Реально работает! Деньги уже на банковской карте, смска пришла!

– Встать, – Громов не давал спуска, его голос звучал повоенному сухо. – Самое важное только начинается. Распределение полученных ресурсов. Открывайте окно характеристик, живо.

Вася с трудом сел, суставы хрустнули внезапно у Васи перед глазами появился собственный интерфейс. Подчиняясь указам профессора, студент послушно махнул мозолистой

рукой в воздухе, активируя окно характеристик.

[Доступно очков характеристик: 1]

– Итак, – профессор привычным жестом поправил съехавшие на нос очки, моментально входя в свой излюбленный режим ментора. – У нас в наличии есть одна свободная единица. Строгая логика диктует нам вложить ее в «Выносимость» или «Силу». Вы по классу «Танк», ваша прямая биологическая задача впитывать физический урон, пока я деморализую противника превосходящим интеллектом. Либо, как запасная альтернатива, в «Ловкость», чтобы вы наконец перестали спотыкаться о собственные ноги на ровном месте. Вкладывайте в «Силу».

Вася завис, немигающим взглядом глядя на светящийся синий интерфейс. Его крупный палец дрогнул, завис над виртуальной кнопкой и медленно потянулся совсем не туда, куда властно указывал профессор.

– Подождите, – Громов нахмурился, вглядываясь в движения студента. Тревожное предчувствие кольнуло где-то под ребрами. – Куда это вы тянетесь? Нижняя строчка это...

– «Удача», – тихо, но упрямо прочитал Вася, не отрывая взгляда от экрана. – Аркадий Львович, я тут подумал...

– Чем?! – Громов аж задохнулся от возмущения, его голос взлетел до ультразвука. – Каким рудиментарным органом вы подумали, Воронов? Удача – это неизмеряемая, иллюзорная величина! Статистическая погрешность в чистом виде! Ее физически нельзя контролировать!

– Ну... Бабушке операция на сердце нужна. Дорогая. Мы на подвальных крысах столько за год не заработаем. А я лотерейный билет в переходе купил сегодня утром. Если удачу сейчас качнуть, вдруг повезет?

Громов замер, парализованный абсурдностью услышанного. Он смотрел на взмокшего, грязного студента, как на оживший, бредовый математический парадокс.

– Вы хотите потратить бесценный, фундаментальный ресурс развития на... дешевую лотерею? Воронов, это абсолютно антинаучно! Это средневековое мракобесие! Вкладывай-те в Силу немедленно, я вам приказываю как ваш наставник!

– Простите, профессор. Но мне очень надо. Бабушка важнее физики.

Вася решительно нажал на виртуальную кнопку. Интерфейс тихо пискнул, подтверждая операцию.

[Характеристика повышена: Удача +1]

[Текущее значение: Низкое (вы все еще неудачник, но теперь с надеждой)]

В темном подвале повисла густая, тяжелая тишина, нарушаемая только монотонным, действующим на нервы, капанием воды из проржавевшей трубы под потолком. Аркадий Львович медленно, дрожащими пальцами снял очки. Достал носовой платок, протер линзы с такой силой, словно хотел стереть саму реальность. Надел снова. Его скулы ходили ходуном, лицо было багровым от сдерживаемого академического гнева.

– Вон, – тихо, ледяным шепотом сказал он.

– Что? – не понял Вася, моргая.

– Вон из моего подвала. Немедленно. Завтра на кафедре я на пальцах объясню вам безжалостную теорию вероятностей на примере вашего личного приказа об отчислении! Вы только что, собственными руками, совершили самую грандиозную глупость во всей своей никчемной жизни!

Вася тяжело встал, виновато опустил стриженую голову, оставил на полу окровавленную швабру и, шаркая ногами по бетону, побрел к освещенному выходу, по пути задев носком ботинка ближайшую, самую крупную тушку крысы.

– Я верну вам долг за помощь, Аркадий Львович. Спасибо за науку.

Громов остался абсолютно один, освещаемый лишь тусклым фонариком смартфона, стоя среди десятка крысиных трупов.

– Идиот, – прошептал он в сырую темноту. – Клинический, неисправимый, романтический идиот.

Вдруг раздался неприятный влажный хлюп. В следующую секунду из развороченной шерсти с мелодичным, совершенно неуместным в этом грязном месте хрустальным звоном выпал предмет. Он покатился по бетону и замер в лужице воды. Громов недоуменно наклонился, поднеся фонарик ближе. Это был маленький, изящный стеклянный пузырек, заполненный густой красной жидкостью, которая мягко пульсировала собственным светом.

[Малое зелье исцеления]

[Шанс выпадения: 0.5%]

Громов посмотрел на светящийся пузырек в своей ладони. Потом перевел взгляд на спину Васи, уже скрывающуюся в дверном проеме. Потом снова посмотрел на пузырек. Математический аппарат в его голове начал со скрипом перемалывать новые вводные данные.

– Ноль целых, пять десятых процента вероятности... – завороченно пробормотал он одними губами. – С первой же попытки сразу после повышения бесполезного стата?

Перед глазами профессора возникло новое системное уведомление:

[Ваш подопечный принял абсолютно иррациональное решение. Вы получили скрытое достижение: «Педагогическое фиаско». Награда: Опыт +100]

– Иррациональное, – вслух согласился Громов, бережно пряча прохладный стеклянный флакон с зельем во внутренний карман, поближе к сердцу. – Но, черт возьми, статистически невероятно любопытное.

Он поправил портфель и быстрым шагом пошел к выходу, безгловато перешагивая через грязные лужи. Его голос, усиленный акустикой подвала, ударил в спину студенту:

– Воронов! Стойте! Вы швабру там забыли! Инвентарный номер на черенке, между прочим, на мне числится! Вернитесь немедленно!

Где-то вдалеке, в темном коридоре, Вася улыбнулся. Ка-

жется, его не отчислят.

Глава 7. Погрешность в наследственности

Подъезд панельной девятиэтажки, в котором жил Василий Воронов, представлял собой идеальную иллюстрацию теории разбитых окон в макроскопическом масштабе. Дешевая лампа накаливания на лестничной клетке мигала с частотой примерно пятнадцать герц, как сломанный стробоскоп на подпольной дискотеке, грозя вызвать эпилептический припадок у любого входящего. Облупившиеся стены были щедро исписаны многослойной наскальной живописью маргиналов постсоветского периода, а лифт, судя по намертво заваренным дверям и запаху застоявшейся мочи из шахты, не работал примерно с момента распада Советского Союза.

Аркадий Львович Громов тяжело поднялся на пятый этаж, брезгливо прижимая локти к туловищу и стараясь ни при каких обстоятельствах не касаться липких, покрытых многолетней грязью перил. Его дыхание было ровным, пульс держался в пределах нормы, сказывалась многолетняя привычка ходить по крутым лестницам старого корпуса университета, когда в очередной раз ломался служебный лифт. Но вот настроение было исключительно паршивым.

В руках, обтянутых кожаными перчатками, он сжимал

тяжелый пакет с учебниками. Официальная версия визита, сформулированная в его голове: «Передача методических пособий для экстренного устранения академической задолженности». Реальная же причина была куда менее прозаична: Громов, как истинный ученый, хотел своими глазами проверить, как функционирует его «инвестиционный проект» после их вчерашнего сомнительного триумфа в подвале.

Он брезгливо нажал оплавленную кнопку звонка. В глубине квартиры раздалась хриплая трель. Дверь, обитая потрескавшимся коричневым дерматином, из-под которого торчали куски желтого поролона, открылась почти сразу, звякнув цепочкой. На пороге стоял Вася в выцветшей домашней футболке и стоптанных тапочках. От него пахло хозяйственным мылом.

– Аркадий Львович? – глаза студента округлились, став похожими на два блюда. Он даже попятился, словно увидел привидение. – Вы... вы адрес в личном деле нашли?

– Я его вычислил, Воронов. Методом строгой дедукции и несанкционированного доступа к электронной базе деканата, – глазом не моргнув, соврал профессор, решительно проходя внутрь тесной прихожей без приглашения. – Я принес вам первый том Ландау-Лифшица. Если в вашей голове зародилась опасная мысль, что убитые мутировавшие крысы автоматически освобождают вас от сдачи теормеха, вы глубоко, фатально заблуждаетесь.

Квартира была бедной, тесной, но маниакально, до скрипа чистой. В спертom воздухе висел стойкий, специфический аромат старости: смесь спиртовой настойки валерьянки, корвалола и свежее испеченных пирогов с капустой. Из смежной комнаты сквозь щель в двери доносился тихий, фоновый звук старого телевизора, транслирующего какой-то бесконечный сериал.

– Тише, пожалуйста, – умоляюще шепнул Вася, аккуратно закрывая за профессором скрипучую дверь. – Бабушка спит. У нее давление скачет после вчерашнего... ну, вы поняли.

Громов коротко кивнул, цепким взглядом осматриваясь вокруг. Старый полированный сервант, заставленный хрустальными бокалами, которые никогда не использовались по назначению; выцветший шерстяной ковер на стене; потемневшая икона в углу с тлеющей лампадкой. Типичная, статистически выверенная среда обитания российского пенсионера, выживающего на мизерное социальное пособие.

– Вася, кто там? – раздался скрипучий голос из комнаты, сопровождаемый шорохом сползающего пледа.

– Это курьер, ба! Ошибся дверью! – громко крикнул Вася в сторону комнаты, а потом виновато, исподлобья посмотрел на профессора. – Простите, она не любит гостей. Боится, что это от отца.

Громов недовольно нахмурился, анализируя новые вводные данные:

– Ваш отец. Ворон. Какова вероятность его появления

здесь в данный момент времени?

– Низкая. Он считает, что я начнудохнуть с голоду и сам приползу. Он гордый.

Едва Вася произнес это слово, как хлипкая входная дверь содрогнулась от мощного, пугающего удара снаружи. Звук был такой, словно в дерматин ударили стенобитным орудием. С потолка прихожей сухим дождем посыпалась белая известковая пыль, оседающая на плечах профессора.

– Открывай, наследник! – раздался из подъезда грубый, пропитый хриплый голос, от которого задрожали стены. – Разговор есть, привет передать.

Вася мгновенно побледнел, вся краска сошла с его лица. Над его коротко стриженной макушкой тревожным багровым светом вспыхнул системный статус:

[Страх: Активно].

– Не открывайте, – жестко скомандовал Громов, рефлексивно потянувшись в карман за телефоном. – Я вызову наряд полиции.

– Не успеют, – Вася обреченно мотнул головой, отступая на шаг. – Они эту дверь с одного удара вынесут...

Ну не с одного, конечно, но дверь после нескольких мощных толчков резко распахнулась, ударившись ручкой о стену и выбив кусок штукатурки. В крошечную прихожую бесцеремонно ввалились двое амбалов, заняв собой почти все доступное пространство. В нос ударил резкий запах дешевого табака, застарелого пота и недавно выпитого алкоголя.

Первый: неестественно высокий, громоздкий, но с сухим, желчным лицом, похожим на лезвие ржавого топора. На плечах висела потерянная кожаная куртка из девяностых.

Второй: настоящий квадратный шкаф из мяса и костей, упакованный в трещащий по швам китайский спортивный костюм. Его челюсть ритмично и угрожающе перемалывала жвачку.

Громов, чувствуя, как в кровь вбрасывается кортизол, инстинктивно активировал интерфейс, сканируя вторгшиеся объекты.

[Цель: Валера «Ржавый»]

[Уровень: Выше среднего]

[Класс: Боец ближнего боя]

[Особенность: «Отморозок» (Иммунитет к страху)]

[Цель: Костя «Бетон»]

[Уровень: Выше среднего]

[Класс: Танк]

[Особенность: «Лобная кость» (+50% к защите от ментальных атак)]

– Оп-па, – Ржавый криво ухмыльнулся, обнажив прокуренные зубы, и скользнул мутным взглядом по фигуре профессора. – А эт че за дед? Репетитор? Или новый хахаль бабки?

– Выбирайте выражения, – Громов максимально выпрямил спину, вскинул подбородок и расправил плечи, стара-

ясь выглядеть монументально и подавляюще. – Я профессор Громов. А вы в данный момент совершаете незаконное проникновение в чужое жилище...

– Слышь, профессор, – грубо перебил его Бетон, сделав тяжелый шаг вперед, от которого скрипнули половицы и навис над Громовым, как скала. – Заткнись, а? Мы к мелкому.

Ржавый нагло отстранил Громова плечом и подошел к бледному Васе вплотную:

– Нам тут птичка нашептала, ты деньжатами разжился. Долги по району раздаешь. Лишние появились? Батя подкинул? Так «Налог на независимость» никто не отменял. Теперь эта конура в нашем районе. Так что плати аренду, или сдохнешь, живя на территории «Синих». Сто тысяч. Срок – вчера.

– У меня нет таких денег, – Вася до хруста сжал свои огромные кулаки, пряча их за спиной. – Я заработал только пять тысяч. Сам. На лекарства для бабушки. И с папой не общаюсь уже давно. Никаких денег он мне не давал и к его группировке и вашим с ним делам я не имею никакого отношения.

– Пять?! – Ржавый запрокинул голову и сухо, лающе заржал. – Ну, это даже на проценты за просрочку не пойдет. Но гони сюда свою чаевую мелочь.

Громов почувствовал, как внутри, где-то в районе солнечного сплетения, стремительно вскипает ледяное, абсолютно контролируемое бешенство. Это было уже не просто дворо-

вое хулиганство. Это была наглая, примитивная, первобытная экспроприация ресурсов, нарушающая все мыслимые законы цивилизованного общества!

– Достаточно! – чеканно произнес Аркадий Львович. Он сделал решительный шаг вперед, физически закрывая своей узкой спиной в драповом пальто массивную фигуру студента. – Я настоятельно требую, чтобы вы немедленно покинули данное помещение. Иначе мне придется применить к вам меры жесткого воспитательного характера.

Бетон перестал ритмично жевать свою резинку. Он медленно перевел тяжелый, пустой взгляд на Громова, посмотрев на него сверху вниз с таким инфантильным выражением, с каким слон мог бы смотреть на назойливую моську:

– Ты че, бессмертный, дед?

Громов предельно сосредоточился. Дыхание замедлилось. Он уже делал это. Паук на стене. Бригадир на складе. Крысы-мутанты в подвале. Алгоритм был отработан до автоматизма. Нужно найти логическую уязвимость и ударить беспощадным словом. Он вперился взглядом прямо в переносицу Бетона:

[Анализ уязвимости...]

[Результат: Низкий интеллект. Примитивные животные инстинкты. Скрытая агрессия к матери.]

– Послушайте меня внимательно, молодой человек, – начал Громов, вкладывая в свой лекторский баритон всю доступную профессорскую харизму, презрение и накопленную

ману. Воздух вокруг него, казалось, слегка затрещал от статического электричества. — Ваша неконтролируемая агрессия всего лишь примитивная физиологическая сублимация глубокой детской травмы. Вы отчаянно пытаетесь компенсировать полное отсутствие материнской любви нелепым физическим доминированием в стае, но в глубине души вы испуганный, никчемный ребенок, до одури боящийся темноты и собственной несостоятельности. Вы жалки.

Громов победно вздернул подбородок и замер, ожидая неизбежного эффекта. Ждал, что Бетон сейчас схватится за сердце, покроется холодным потом, заплачет или трусливо убежит, сломленный грузом собственных комплексов.

Система в голове издевательски пискнула:

[Навык «Академическая Рецензия» применен.]

[Расчет урона...]

[Сопротивление! Цель имеет пассивный навык «Тупость Пранга». Сложные лингвистические конструкции категорически не распознаны.]

[Урон: 0.]

Это ощущалось так, словно Громов с разбегу ударился лбом о монолитную железобетонную плиту. Его ментальная атака просто рассеялась в пустоте отсутствующего интеллекта противника, который оказался примитивней, чем у крысы-мутанта!

Глава 8. Смертельная угроза

Бетон тупо моргнул маленькими глазками. Лицевые мышцы напряглись, переваривая услышанное. А потом он медленно, криво улыбнулся:

– Че ты сказал? Че-то про маму?

Громов физически похолодел. Навык рецензии впервые дал фатальный сбой.

– Я сказал, что ваши когнитивные способности...

– Ты маму мою не трожь!!! – басом взревел Бетон, его глаза налились кровью.

Удар был невообразимо быстрым и страшным, нарушающим законы биомеханики. Громов со своей Ловкостью, стремящейся к нулю, даже не успел испугаться или моргнуть. Он увидел только огромный, летящий прямо ему в лицо покрытый шрамами кулак размером с хорошую пивную кружку. Это была чистая, концентрированная кинетическая энергия смерти.

Но удара, дробящего лицевые кости, не последовало. В неуловимую долю секунды между хрупким профессором и обезумевшим бандитом монолитной стеной вклинился Вася. Раздался глухой звук плоти о плоть. Воздух вышибло из легких. Вася глухо охнул, приняв весь чудовищный импульс удара на себя.

– Не трогай его... – прохрипел студент, харкая слюной, но

не делая ни шагу назад.

[Василий Воронов значительный получил урон]

[Здоровье: 55/100]

– О, щенок зубы показывает? – Ржавый злобно оскалился и легким, привычным движением достал из кармана куртки тяжелый свинцовый кастет. Металл тускло блеснул в свете мигающей лампочки. – Ну давай, герой. Сейчас мы тебе стоматологию поправим по скидке.

Вася с трудом выпрямился. Его огромное тело шаталось, лицо покрылось испариной от боли, но он намертво стоял, перегораживая коридор:

– Уходите, Аркадий Львович, – тихо, сквозь стиснутые зубы сказал он, глядя на врагов. – Закройтесь в комнате с бабушкой. Я их задержу.

– Нет, – Громов замер, в ужасе глядя на спину своего ученика. Такую широкую, мощную, но в данный момент хрупкую и уязвимую перед куском свинца. – Я не...

Ржавый не стал ждать, подлю ударив Васю тяжелым ботинком прямо под колено. Сустав хрустнул. Студент с криком упал. Бетон, хищно раздувая ноздри, замахнулся для финального, добивающего удара в голову.

Громов с кристальной, пугающей ясностью понял, что сейчас на его глазах произойдет непоправимое. Уравнение схлопывалось. Его изящные формулы здесь не работали. Его острые, как бритва, слова были лишь бесполезным белым шумом для этих неандертальцев! Здесь, в этом вонючем, об-

шарпанном коридоре, безраздельно царила другая, первобытная физика. Физика грубой тупой массы.

Профессор, повинаясь здоровому инстинкту защиты, схватил первое, что попало под руку: лежащий на тумбочке увесистый том Ландау-Лифшица «Теоретическая механика».

– Второй закон Ньютона, твари! – не своим, сорвавшимся на фальцет голосом заорал профессор и со всей своей хилой, интеллигентской силы с размаху опустил монументальную книгу прямо на затылок нагнувшегося Ржавого.

Удар был глухим. Твердый переплет встретился с не менее твердым черепом.

[Критический удар предметом «Знание»!]

[Эффект: Легкое раздражение.]

Ржавый замер. Он даже не покачнулся. Просто медленно, как в фильме ужасов, обернулся к профессору, потирая ушибленный затылок. В его мутных глазах не было ни грамма интеллекта, там было только холодное, садистское обещание невыносимой боли.

– Ну все, дед. Ты покойник. На куски порву.

Он двинулся на Громова, нависая над ним. Профессор инстинктивно попятился, споткнулся о коврик и уперся лопатками в хлипкую деревянную вешалку, сбивая на пол чье-то пальто. Отступать было некуда. Он зажмурился, чувствуя запах перегара Ржавого и ожидая конца.

И тут за окном взвыла сирена. Звук был резким, пронзи-

тельным, доносящимся с вечерней улицы, но стремительно и неумолимо приближающимся. Во дворе с характерным металлическим хлопком открылись двери патрульной машины.

– Полиция! Всем оставаться на своих местах! – прозвучал искаженный, многократно усиленный мегафоном строгий голос.

Ржавый замер с занесенным кулаком.

– Менты! Соседи снизу вызвали, суки крысливые!

– Валим, – сквозь зубы бросил Бетон, мгновенно теряя весь свой боевой пыл. – Не хватало еще по 162-й за разбой загреметь.

Они синхронно отступили к открытой двери, но перед самым уходом Ржавый ткнул грязным, узловатым пальцем в сторону Васи, который, морщась от боли, пытался встать, цепляясь пальцами за обои:

– Мы не закончили, щенок. Передай бате, что счетчик тикает. Дальше мы придем не разговоры разговаривать. И деду твоему отбитому я лично язык вырежу!

Раздался гулкий топот тяжелых ботинок, спешно сбегающих по бетонной лестнице вниз. В тесной прихожей повисла звенящая в ушах тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием. Громов медленно, не чувствуя ног, сполз по стеночке прямо на линолеум, все еще судорожно сжимая на груди полезный том Ландау. Руки профессора тряслись от отходняка адреналина так сильно, что картонная обложка тихо хлопала по страницам.

Вася сидел напротив него, привалившись спиной к косяку и вытирая тыльной стороной ладони алую кровь с разбитой губы.

– Вы как? – хрипло спросил студент первым, с тревогой глядяваясь в лицо наставника.

– Я? – Громов совершенно потерянным, стеклянным взглядом посмотрел на Васю. На его свежие, кровоточащие ссадины. На цифры его здоровья в интерфейсе, которые начали медленно, по проценту, ползти вверх благодаря молодому метаболизму. – Я идиот, Воронов. Самонадеянный старый идиот.

– Почему? Вы же меня спасли. Ландау тяжелая штука, – попытался ободряюще улыбнуться Вася.

– Я был непростительно самонадеян, – Громов дрожащими пальцами снял чудом уцелевшие очки. – Я решил, что Система дала мне власть над этим миром. Что я могу играючи управлять объективной реальностью одной лишь силой своего интеллекта и словарного запаса. Но сейчас и здесь, я получил неопровержимое, жестокое экспериментальное доказательство обратного. Против лома нет приема... если у тебя в руках нет другого, более тяжелого лома.

Он с кряхтением встал, опираясь о стену. Старые суставы в коленях предательски заныли. Система перед глазами безжалостно высветила уведомление:

[Квест «Дипломатия» провален.]

[Получен новый опыт: Вы осознали свой физический по-

толок.]

[Текущий уровень угрозы: Смертельный. Вы вмешались в противостояние группировок «Вороны» и «Синие»]

Громов перевел взгляд на приоткрытую дверь комнаты. Оттуда, кутаясь в пуховый платок, выглядывала испуганная, бледная как мел сухонькая старушка:

– Вася? Все хорошо? Я голоса какие-то слышала...

– Все хорошо, ба! Мы просто... репетировали сценку из пьесы для студенческого театра! – неестественно бодро крикнул Вася, отворачивая окровавленную половину лица в тень и пытаясь улыбнуться разбитым ртом.

Профессор шагнул вперед, подошел к своему ученику и, вопреки всем своим принципам не касаться чужих людей, крепко протянул ему сухую, но твердую руку, помогая подняться на ноги. Кости студента хрустнули.

– Значит так, Василий. Наш академический план радикально меняется, – жестко произнес Громов, возвращая себе привычные менторские интонации.

– В смысле? Мы больше не будем бить крыс в подвале?

– Крыс? – Громов зло, холодно усмехнулся, поправляя съехавший галстук. – Нет. Мутировавшие грызуны – это лабораторная работа для зеленых первокурсников. Чтобы просто выжить и надежно защитить вас и вашу бабушку от этих примитивных углеродных форм жизни, нам нужно нечто гораздо большее. Нам нужна реальная, осязаемая сила. Физическая мощь, с которой инстинктивно считаются даже такие

клинические идиоты, как этот ваш «Бетон».

Он властно ткнул указательным пальцем прямо в висящее в воздухе окно интерфейса:

– Завтра утром мы начинаем настоящую, экстремальную прокачку. Мы пойдем туда, где статистически опасно. Мы будем сознательно и грубо нарушать любую известную мне технику безопасности. И мы накопим в бою столько опыта, что в следующий раз, когда этот примат снова сюда придет, его пустая черепная коробка треснет от одного моего взгляда!

– Мы будем качаться по-взрослому? – с робкой надеждой и страхом спросил Вася, вытирая кровь.

– Нет, Воронов. Мы будем писать фундаментальную докторскую диссертацию на тему «Прикладное физическое насилие в условиях агрессивной неинтеллектуальной среды», – отрезал Громов. – И, клянусь священным яблоком Ньютона, мы защитим ее блестяще!

Громов педантично, двумя пальцами отряхнул известковую пыль с лацканов своего пальто:

– А теперь немедленно идите к бабушке. И приложите кусок льда к лицу. Ваши гематомы катастрофически портят мне эстетику нашего дальнейшего учебного процесса.

Глава 9. Бегите, глупцы!

Брезгливо морщась от запаха выхлопных газов и уличного фастфуда, Аркадий Львович стоял посреди оживленного, гудящего проспекта и с академической дотошностью критиковал сияющую витрину сетевого магазина электроники.

– Посмотрите на этот телевизор, Воронов. 8К разрешение, квантовые точки... Маркетинговая чушь! Человеческий глаз физически не способен воспринять такую плотность пикселей с расстояния трех метров. Мы платим за иллюзию четкости! – профессор возмущенно ткнул сухим пальцем в сторону огромной плазменной панели, на которой крутился кислотно-яркий рекламный ролик.

Вася, плечи которого оттягивали два тяжелых пластиковых пакета, только тяжело вздыхал, переминаясь с ноги на ногу. Пакеты были доверху набиты банками с протеином и дешевой спортивной формой, купленной на честно заработанные «крысиные» деньги.

– Аркадий Львович, мы уже час ходим. Может, поедем качаться? Вы обещали «опасную зону».

– Терпение. Подготовка – это 90% успеха. Мы не можем идти в бой в ваших кедах, у которых подошва имеет сцепление с поверхностью, стремящееся к абсолютному нулю. Нам нужно...

Договорить он не успел. Густой городской воздух прямо

над перекрестком вдруг мелко, тошнотворно завибрировал, словно перетянутая струна. Звук был неестественно низким, на самой грани инфразвука и бил не по барабанным перепонкам, а проникал сразу в грудную клетку, заставляя вибрировать диафрагму, вызывая первобытный, животный ужас. Спешащие по своим делам прохожие как по команде остановились, в ступоре оглядываясь по сторонам. Жирные городские вороны с истошным, паническим карканьем сорвались со сплетений проводов. Громов пошатнулся и почувствовал, как полупрозрачный интерфейс Системы перед глазами пошел агрессивной цифровой рябью.

[Внимание! Обнаружен пространственный разрыв класса В.]

[Локация: Центр города.]

[Рекомендация: Бегите, глупцы.]

– «Бегите, глупцы»? – возмущенно переспросил профессор, пытаясь сфокусировать зрение на пульсирующих красных строчках. – Это что, цитата из Толкина? Кто программировал этот модуль, ролевик-недоучка?!

В самом центре перекрестка, прямо над мигающим светомфором, объективная реальность с отвратительным хрустом треснула. Это выглядело так, будто кто-то плеснул агрессивной кислотой на глянцевую фотографию мира, растворяя пиксели пространства. Толстый слой асфальта вздыбился глыбами, как хрупкий весенний лед. Ближайшие машины с визгом сигнализаций отбросило в стороны невидимой,

но чудовищно плотной ударной волной. Из образовавшегося разлома, сотканного из слепящих фиолетовых молний и шипящего цифрового шума, на проезжую часть тяжело вывалилось Нечто. Оно напоминало гротескную помесь доисторического динозавра и карьерного бульдозера. Непробиваемая, бугристая броня, хитиновые костяные наросты, светящиеся ядовито-желтым глаза и запредельный уровень звериной агрессии, который можно было физически почувствовать кожей, как жар от открытой печи.

[Враг: Бронированный Крушитель Разлома]

[Уровень: Выше среднего]

[Статус: Элитный монстр]

Люди истошно закричали. Улица мгновенно превратилась в филиал хаоса. Началась животная паника. Ополумевшая толпа ломанулась в узкие переулки, роняя сумки, сбивая друг друга с ног и топча упавших.

– Выше среднего... – обреченно прошептал Вася, читая системное сообщение в своем телефоне. Он побледнел так, что веснушки стали похожи на брызги грязи. – Аркадий Львович, нам хана!

– Нам, безусловно, – ледяным тоном согласился Громов. Его мозг исследователя уже лихорадочно, абстрагируясь от криков, оценивал габариты и массу объекта. – Но бежать поздно. Энтропия уже настигла нас.

Монстр издал оглушительный рев, от которого с треском лопнули стекла в витрине электроники, и небрежно ударил

массивной, покрытой шипами лапой по стоящему в пробке рейсовому автобусу. Многотонная машина смялась с тошнотворным скрежетом, как пустая алюминиевая пивная банка, и с визгом покрышек отлетела прямо в сторону стеклянной остановки, где в абсолютном, парализующем ступоре застыла молодая женщина с детской коляской.

– Нет! – не своим голосом крикнул Вася.

Он не ждал команды профессора. Он не считал спасительные векторы и вероятности выживания. Он просто разжал пальцы, уронив пакеты, и рванул вперед.

– Воронов, стоять! Это чистое самоубийство! – в отчаянии заорал Громов, срывая голос, но его грузный студент уже бежал наперерез неумолимо летящей, кувыркающейся многотонной машине.

Вася чудом успел. Он на полном ходу врезался широким плечом в оцепеневшую женщину с коляской, мощно выталкивая ее за пределы смертельной зоны поражения. Только сам не успел отскочить и принял сокрушительный удар искореженного автобуса по касательной. Оглушительный грохот. Столб серой пыли и бетонного крошева взвился в воздух. Жуткий скрежет рвущегося металла перекрыл крики толпы. Громов замер на месте, перестав дышать и чувствуя, как его старое, изношенное сердце физически проваливается куда-то в пятки. Уравнение потеряло главную переменную.

– Вася... – одними губами прошептал профессор.

Ветер медленно сдул пылевое облако, и из месива битого стекла и железа, пошатываясь, поднялась массивная фигура. Вася стоял на одном колене среди обломков остановки, судорожно держась за окровавленное плечо. Его футболка была разорвана в клочья. Над его коротко стриженной макушкой тревожно мигала истощенная полоска здоровья: *[12/100]*. Живой. Танк, чтоб его, живучий танк!

Но передышки не случилось. Монстр, уловив боковым зрением движение, тяжело развернулся своим бронированным корпусом к студенту. Он хищно опустил свою голову, скребя когтями землю и готовясь к фатальному тарану. Вася был обречен. У него не было сил даже просто подняться на ноги. Громов с пугающей ясностью понял, что ровно через секунду его единственный ученик превратится в кровавое пятно на грязном асфальте.

В этот момент в аналитическом мозгу профессора словно замкнуло контакты. Животный страх мгновенно испарился, выгорев дотла, и уступил место абсолютно холодной, выверенной и безжалостной решимости.

– Эй ты, грубая ошибка эволюции! – во всю мощь своих легких крикнул Громов, выходя прямо на проезжую часть и бесстрашно раскидывая худые руки в стороны, привлекая внимание чудовища на себя.

Монстр удивленно замер. Сфокусировал на тщедушном человеке свои горящие глаза. Аркадий Львович не стал медлить и мысленно, с максимальной отдачей активировал «Ре-

цензию». Он вложил в эту ментальную атаку абсолютно всю свою доступную ману до последней капли, весь свой колоссальный интеллект и все свое безграничное, высокомерное презрение ученого к тупой физической силе.

– Твоя аэродинамика абсолютно абсурдна! – гремел лекторский голос профессора, многократно усиленный невидимыми динамиками Системы, заставляя вибрировать оставшиеся стекла. – Соотношение твоей массы тела к площади опоры конечностей грубейшим образом нарушает фундаментальный закон квадрата-куба! Ты физиологически не должен существовать в этой гравитационной яме! Твой громоздкий хитиновый панцирь создает критически избыточную, разрушительную нагрузку на шейный отдел позвоночника! Ты ходячий физический нонсенс!

[Критический дебафф: «Сомнение в существовании»!]

[Эффект снижен из-за колоссальной разницы уровней.]

[Враг в замешательстве. Скорость атаки снижена на 5%.]

Жалкие пять процентов. Это было все, чего смогла добиться чистая наука против высокоуровневого монстра Разлома. Монстр, на долю секунды сбитый с толку информационным ударом, лишь раздраженно тряхнул головой и с утробным рыком снова начал готовиться к разбегу. Прямо на беспомощного Васю. Громов бессильно опустил руки и обреченно закрыл глаза. Уравнение не сошлось. Он сделал все, что мог.

Глава 10. Топ-3 мирового рейтинга Охотников

И именно в этот момент окружающий мир просто остановился. Не метафорически, не в восприятии перепуганного сознания. Абсолютно буквально. Оседающая серая пыль намертво зависла в воздухе. Пронзительный звук приближающейся сирены мгновенно растянулся и превратился в глухой, низкий и тягучий гул на одной ноте. Многотонный бронированный монстр нелепо застыл прямо в фазе прыжка, оторвав лапы от земли и наглейшим образом нарушая все базовые законы гравитации.

На искореженную металлическую крышу перевернутого автобуса, плавно опустился человек. Он выглядел максимально неуместно для поля боя. Так, словно только что вышел из вип-ложи на финале престижного турнира по киберспорту. Идеально сидящая черная тактическая куртка с неоновым логотипом БЛР на плече, массивные, дорогие наушники, небрежно болтающиеся на шее, стильные очки с бегающим по стеклам проекционным интерфейсом Системы. В руках он держал вовсе не сияющий меч и не посох, а сенсорный планшет. Человек, жуя жвачку, лениво посмотрел поверх очков на зависшего в воздухе монстра:

— Черт, опять эти кривые рандомные спавны в текстурах,

– произнес незнакомец абсолютно спокойным, даже слегка скучающим голосом человека, у которого сорвались планы на обед. – Только хотел нормальный кофе попить. Эй, Система, чекай лог ошибки самопроизвольного выброса Разлома.

Незнакомец легко, почти театрально щелкнул пальцами. Просто щелкнул. Громов, не веря своим глазам, увидел, как прямо над зависшим монстром с характерным звуком развернулось полупрозрачное окно Системы.

[Объект: Бронированный Таран]

[Параметр «Масса» (m): Изменить значение]

[Текущее: 5400 кг. Новое: 0.001 кг.]

Человек, стоящий на автобусе, убрал планшет под мышку, сложил губы трубочкой и просто дунул в сторону многотонного чудовища. Легонько, играючи, как на созревший одуванчик. Гигантская хитиновая тварь, в одну секунду потерявшая всю свою массу улетела обратно в Разлом. Раздался оглушительный звуковой хлопок, ударивший по ушам, и Разлом схлопнулся, словно его и не было.

– Гравитация, бессердечная ты сволочь, – криво усмехнулся человек, поправляя наушники.

– Гравитон... – хрипло выдохнул Вася, с собачьим благоговением и шоком глядя на фигуру спасителя снизу вверх. – Это же сам Виктор «Гравитон» Волков! Топ-3 мирового рейтинга! Аркадий Львович, вы видите?! Он здесь! Вживую!

Громов стоял посреди разрушенного проспекта с неприлично открытым ртом. Вся его выверенная десятилетиями

академическая картина макромира прямо сейчас трещала по швам и рассыпалась в пыль.

– Что... – только и смог просипеть контуженный профессор, хватаясь за голову. – Как же закон всемирного тяготения... Гравитационная постоянная G ... Куда, черт возьми, делась инерция покоя пяти тонн мяса?!

Виктор мягко прыгнул с крыши искореженного автобуса. Его ноги коснулись асфальта абсолютно без звука, словно он сам в этот момент ничего не весил. Неторопливо подошел к сидящему на земле Васе и небрежно коснулся пальцами его окровавленного плеча. Пространство озарила мягкая, теплая вспышка концентрированного золотого света.

[Эффект «Малое зелье исцеления S-ранга»: Раны исцелены мгновенно.]

– Хорошо танкуешь, мелкий, – одобрительно сказал Волков, надувая пузырь из жвачки. – Реакция у тебя есть, потенциал вижу, но шмот мусорный. Смени при случае. Этот элитный моб чистый физиушник, его надо было грамотным кайтом брать, а не своим лицом торговать.

На этом «топ-3 мирового рейтинга Охотников» плавно повернулся к застывшему профессору. Громов внутренне сжался, ожидая снисходительной насмешки от этого навороченного юнца, но внезапно увидел за затемненными стеклами интерфейсных очков неожиданно цепкий, холодный и сканирующий аналитический взгляд.

– А ты забавный, дед. Реально пытался его насмерть за-

болтать? – Виктор коротко хмыкнул, пряча планшет в карман. – Я мельком просмотрел логи зоны. «Нарушает фундаментальный закон квадрата-куба»? Эт че вообще? И даже 5% скорости атаки срезал, респект. У нас в Бюро штатные аналитики при виде боссов обычно просто писаются и орут в рацию «Помогите».

– Вы... вы только что умышленно нарушили незыблемые фундаментальные константы Вселенной, – Громов, наконец, обрел дар речи и поправил съехавшие очки крупной дрожащей рукой. – Вы программно обнулили массу объекта! С точки зрения физики это абсолютно невозможно без колоссального выброса энергии! Где она?! Да после такого квартал должен был быть уничтожен как термоядерным взрывом!

Виктор лишь равнодушно пожал плечами:

– Физика – это скучная теория для пыльных учебников, дед. А мы все теперь живем в Игре. Тут только чистый код решает. Знаешь уникальный ID объекта в базе и можешь смело менять его переменные. Главное, держаться в топе, чтобы БЛР права доступа не ограничило. Плюшки статуса. Ладно, бывайте, не болейте, у меня сложный рейд через пять минут собирается, клан в лобби ждет. И да... – Виктор перестал жевать и на секунду стал пугающе серьезным, его голос утратил расслабленность. – ...Интеллект у тебя со старта вкачан знатно, мое почтение. Но без базового понимания скрытой механики Разломов ты в следующий раз гарантированно труп. Иди в Бюро Ликвидации, получи официальную

лицензию. Нам там реально умные саппорты нужны, а то одни тупые ДДШники кругом, думать в пати вообще некому.

Волков снова небрежно щелкнул пальцами. Вектор гравитации в радиусе метра вокруг него послушно изменился, и он пулей взмыл в темнеющее небо, оставляя за собой тонкий белый инверсионный след, прямо как военный истребитель на форсаже. Развороченная улица медленно приходила в себя после шока. Люди с бледными лицами начинали робко выползать из-за бетонных клумб и разбитых машин, судорожно снимая тающий в небе силуэт героя на камеры телефонов.

Громов и Вася остались стоять совершенно одни посреди хрустящего битого стекла и вывороченного асфальта. Вася ошарашенно посмотрел на свои огромные руки, прощупал плечо. На коже не осталось ни единого синяка, ни малейшей царапины:

– Аркадий Львович... вы это слышали? Он лично сказал мне «хорошо танкуешь»! Сам великий Гравитон! Я теперь эту правую руку до конца жизни мыть не буду!

Громов напряженно молчал. Он, не мигая, смотрел в небо, в ту самую точку, где секунду назад растаял инверсионный след Волкова.

– Он прямым текстом назвал это «кодом», – тихо, словно пробуя новое, опасное слово на вкус, произнес профессор. – Он сказал «переменные».

Аркадий Львович медленно повернулся к своему помято-

му ученику. В его запавших глазах за стеклами очков больше не было ни капли стариковского страха или растерянности перед неизвестным. Там ярко, жадно горел тот самый безумный исследовательский огонь, который Вася видел за все годы обучения только один-единственный раз: когда Громов, забыв про звонок, на трех досках блестяще доказывал альтернативное решение великой теоремы Ферма.

– Воронов! Наши пакеты с протеином целы?! – рявкнул он с неожиданной силой.

– Э-э... вроде да, вон валяются. Но Аркадий Львович, какой к черту протеин? Мы же только что оба чуть страшной смертью не погибли!

– Именно! – Громов мертвой хваткой вцепился Васе в здоровое плечо, его глаза лихорадочно блестели. – Мы чуть не погибли исключительно потому, что я, старый дурак, по инерции мышления пытался применить законы классической механики Ньютона там, где теперь безраздельно действуют законы объектно-ориентированного программирования! Этот наглый выскочка Волков абсолютно прав. Наша макроскопическая реальность была грубо взломана! Но если ее смог взломать кто-то снаружи... значит, изнутри ее можно полностью переписать!

Он торжественно, словно пророк, поднял тонкий указательный палец высоко вверх:

– Мы идем официально получать эту чертову лицензию Охотников. Я лично хочу увидеть математические формулы

и алгоритмы, по которым работает этот распиаренный «Гравитон». И клянусь честью своей кафедры и дипломом доктора наук, я найду в их базовом коде фундаментальную ошибку и оптимизирую эту Систему!

[Получено вдохновение: «Эффект Гравитона»]

[Ваша цель обновлена: Понять природу Системы.]

[Скорость обучения навыкам увеличена на 200% на 24 часа.]

– Немедленно забирайте наши пакеты с земли, коллега! – по-генеральски скомандовал Громов, поправляя съехавший набок галстук. – Мы прямо сейчас возвращаемся в тот вонючий подвал. И мы будем беспощадно, методично качаться на грызунах, пока я математически точно не выведу идеальную формулу критического удара!

Громов решительно зашагал прочь по изуродованному, покрытому трещинами асфальту, ловко переступая через дымящиеся обломки городского имущества. Впервые за долгие годы он больше не выглядел как уставший, желчный старый ворчун, доживающий свой век на кафедре. Он выглядел как одержимый ученый на самом пороге величайшего открытия в истории человечества.

Глава 11. Теоретический минимум

Подвал университета, который Аркадий Львович гордо именовал «Лабораторией прикладной танатологии» (потому что они там убивали крыс), встретил их привычной, пробирающей до костей сыростью и отдаленным нервным писком грызунов. В спертom воздухе все еще висел тяжелый металлический запах крови от их прошлого визита, смешанный с ароматами плесени и застоявшейся в трубах воды.

Но сегодня профессору было абсолютно не до санитарной обработки помещения. Он метался от одной облупленной стены к другой, используя крошечный кусок мела, случайно найденный в глубоком кармане пальто. На шершавом, холодном бетоне с маниакальной скоростью появлялись длинные формулы, трехэтажные интегралы и сложные схемы векторов, которые тут же перечеркивались яростными крестами.

– Это невозможно, Воронов! – бормотал Громов, в сердцах стирая рукавом своего дорогого пальто только что выведенное уравнение гравитационного поля. – Если мы принимаем G за переменную, то вся небесная механика летит к чертям! Луна должна упасть на Землю, а Земля сойти с орбиты!

Вася молча сидел на перевернутом гнилом ящике, вытянув гудящие ноги. Он все еще находился под глубоким, почти религиозным впечатлением от встречи с кумиром. Его

взгляд был расфокусирован, а на грязном, покрытом ссадинами лице застыло выражение абсолютного счастья.

– Аркадий Львович, да не парьтесь вы так, – сказал студент, блаженно улыбаясь пустоте перед собой. – Это же скилл. Ультимативная способность. Там нет формул. Там есть кулдаун и манакоств.

Громов резко затормозил, едва не поскользнувшись на влажном бетоне, и всем корпусом повернулся к ученику. Его очки хищно блеснули в свете единственной лампочки, скрывая за стеклами разгорающийся гнев:

– «Кулдаун»? «Манакоств»? Воронов, вы говорите на варварском наречии! Объяснитесь. Кто этот... Гравитон? И почему он управляет фундаментальными константами, словно это настройки громкости в дешевом плеере?

Вася тяжело вздохнул, понимая, что полноценной лекции избежать не удастся. Только теперь лектором, впервые за историю их знакомства, был он сам.

– Ну, вы же знаете про Инцидент Ноль? – начал он осторожно, подбирая слова.

– Разумеется. Пять лет назад группа безответственных физиков в Швейцарии попыталась поймать бозон Хиггса, а поймала дырку от бублика, через которую к нам полезли инопространственные твари. Я читал официальные отчеты. Там сплошная антинаучная ересь про «тонкие миры»!

– Ну вот, – кивнул Вася, шмыгнув носом. – Когда порталы открылись, появилась Система. Она, типа, оцифровала мир.

Но не всех, а выборочно. И так вышло, что лучше всего к интерфейсу адаптировались те, кто уже привык жить в цифре.

Громов скептически нахмурился, его лоб прорезали глубокие морщины:

– Программисты? Математики?

– Не-а. Геймеры. Киберспортсмены. Спидраннеры. Задроты, короче.

Профессор поперхнулся затхлым воздухом. Он физически отшатнулся, словно Вася только что произнес нецензурную брань прямо в микрофон на ученом совете.

– Вы хотите сказать, что элита наших вооруженных сил, наша последняя защита от инопространственной угрозы – это инфантильные люди, которые тратили свою жизнь на то, чтобы убивать нарисованных драконов?

– Ага, – Вася простодушно пожал плечами, не разделяя возмущения наставника. – У них мозги так работают. Реакция, микроконтроль, понимание скрытых механик. Вот Волков, например. Он был чемпионом мира по какой-то корейской ММО. У него АРМ, действий в минуту, зашкаливал. Когда Система пришла, он первым получил S-ранг. Теперь он живая легенда Бюро Ликвидации Разломов.

– Бюро... – Громов брезгливо покатал это слово на языке, поморщившись, как от глотка прокисшего молока. – Бюро Ликвидации Разломов. Звучит как название провинциального ЖЭКа.

– Это государственная структура, – серьезно пояснил Ва-

ся. – Они выдают лицензии, платят за лут, жестко контролируют рынок артефактов. У них абсолютная монополия. Без лицензии в Разломы и Порталы соваться нельзя, сразу посадят. А чтобы получить лицензию, надо сдать экзамен.

Громов замер как вкопанный. В его гениальной голове, привыкшей к мгновенному структурному анализу, с щелчком начала выстраиваться четкая логическая цепочка: Волков – Игрок. Игрок – часть Системы. Система – программный код. А код напрямую управляет окружающей материей. Если он, как ученый, действительно хочет понять, как работает этот сумасшедший мир, ему нужно не смотреть на него со стороны через лупу, ему нужно с головой влезть прямо в «исходный код»!

– Экзамен, говорите? – переспросил он, хитро прищурившись. Тон его голоса стал обманчиво мягким. – И что там сдают? Сопромат? Квантовую физику? Теорию поля?

Вася запрокинул голову и искренне рассмеялся, хлопнув себя по колену:

– Если бы! Там полоса препятствий, тест на чистый урон в секунду и, самое главное, «боевая интуиция». Там на звериных рефлексах и на выданных Системой способностях выводят! Нормальные люди, типа нас с вами, обычно валятся на первом же этапе. Там же одни... ну, эти... киберспортсмены.

– «Киберспортсмены», – повторил Громов с выражением такого глубокого академического отвращения, словно проглотил лимон. – Значит, дальнейшая судьба человечества на-

прямую зависит от тех, кто раньше соревновался в скорости кликанья пластиковой мышкой. Какая невероятная, беспрецедентная пошлость!

Он подошел к относительно чистой стене и размашисто написал большими буквами: **«ЦЕЛЬ №1: ЛИЦЕНЗИЯ»**.

– Мы идем туда, Воронов.

– Куда?

– В это ваше Бюро. Завтра же утром. Мы сдадим этот примитивный экзамен.

– Аркадий Львович, вы серьезно? У меня нет ни одного активного навыка! Я просто здоровый неповоротливый лось! А у вас из боевого оружия только язвительные комментарии и критика! Нас там просто засмеют. Там же элита собирается, у них шмот эпический, светится весь, а мы... в пальто и с пакетами.

– Смех, как доказано медициной, продлевает жизнь, а нам это сейчас крайне пригодится, – жестко отрезал Громов, стряхивая меловую пыль с ладоней. – Вы сказали, что там нужны рефлексы? Чушь собачья. Любое физическое движение все же банальная физика. Траектория, импульс, инерция покоя. Если эти бездумные «киберспортсмены» действуют интуитивно, полагаясь на спинной мозг, то я буду действовать расчетливо.

Он поднял руку и посмотрел на светящиеся строки перед глазами. Интерфейс услужливо показывал:

[Бафф «Эффект Гравитона» активен. Осталось: 23 ча-

са 15 минут.]

[Скорость обучения: $\times 2$.]

– У нас есть ровно сутки, – Громов хищно, совершенно не по-профессорски улыбнулся. – И у нас в распоряжении есть целый подвал, полный агрессивных мутантов, которые, судя по нарастающему писку из темноты, уже успели размножиться с нашего прошлого визита вежливости. Вставайте, Воронов.

– Зачем?

– Мы будем заниматься гриндом. Кажется, именно так это вульгарно называется на вашем игровом сленге? Мы будем методично уничтожать местную фауну до тех пор, пока я не подниму свой Интеллект до значения, позволяющего мне интеллектуально унизить всю их экзаменационную комиссию!

– Опять крыс шваброй бить? – тяжело вздохнул Вася.

– Крысы – это всего лишь переменные в математическом уравнении нашего неизбежного успеха. И, кстати, – Громов достал из внутреннего кармана телефон. – Найдите мне в сети подробный гайд по прохождению экзамена на ранг F. Я хочу заранее знать врага в лицо.

Следующие шесть часов превратились в настоящую кровавую (для крыс) и физически изнурительную (для Васи) вакханалию. Воздух наполнился свистом тяжелого дерева, чавкающими звуками ударов и предсмертным писком. Громов не просто стоял в стороне и отдавал сухие команды. Он

ставил эмпирические эксперименты в реальном времени.

– Ударь ее с разворота корпуса! – кричал он, светя фонариком на метнувшуюся из угла тень. – Нет, не так, ради всего святого! Центробежная сила должна работать на тебя, а не против! Используй длину швабры как классический рычаг!

Вася, тяжело дыша и обливаясь потом, послушно бил.

[Критический удар!]

– Теперь быстро отойди! Я попробую применить ментальную атаку в состоянии свободного падения!

Громов, неуклюже подпрыгнув в своих ботинках на целых десять сантиметров, вложил всю ярость в голос и заорал на опешившую, покрытую язвами крысу:

– Твой убогий генетический код абсолютно тупиковая ветвь макроэволюции!

Крыса пискнула, замерла, у нее закатились глаза, и она умерла от разрыва крошечного сердца еще до того, как Вася успел опустить на нее свое импровизированное орудие.

К раннему утру обширный подвал был зачищен полностью. Даже черная плесень на трубах, казалось, испуганно вжалась в бетон от первобытного страха перед этим безумным, неутомимым профессором. Они сидели прямо на пыльном полу, грязные, пропахшие озоном и кровью, уставшие до дрожи в мышцах, но страшно довольные проделанной работой. Громов мысленным усилием открыл свой статус.

[Уровень: Низкий]

[Свободные очки характеристик: 5]

[Навык «Академическая Рецензия» повышен.]

[Новый эффект: «Ошеломление фактами». (Шанс оглушить цель на 2 сек., если ее Интеллект ниже вашего).]

– Пять очков, – хрипло пробормотал Громов, гипнотизируя висающие в воздухе цифры. – Если я прямо сейчас вложу их в Силу, я, вероятно, смогу открыть ту злополучную банку с огурцами без помощи кухонного полотенца. Но это стратегически нерационально.

Не колеблясь, он решительно вложил все пять драгоценных единиц в Интеллект. Эффект был мгновенным и ошеломляющим. Словно кто-то смыл с его разума многолетнюю пыль и промыл извилины ледяной, кристально чистой водой. Голова прояснилась. Мир вокруг внезапно стал гиперреалистичным, очерченным до невыносимой четкости. Теперь он видел не просто облупленные стены подвала, а саму пористую структуру старого бетона, паутину микротрещин на потолке. Его мозг фоновым процессом, без малейших усилий, вычислял невидимые векторы напряжения несущих конструкций. Это было сродни божественному экстазу.

– Аркадий Львович, – Вася, сидя с закрытыми глазами, устало жевал шоколадно-протеиновый батончик. – Я сейчас читаю форум про этот экзамен. Там будет обязательный тест на «потенциал маны». А у меня ее нет, я просто уже пытался записаться раньше. Меня даже до полосы препятствий тогда не допустили, развернули на входе, ничего не объяснив. По-

дозреваю из-за нее.

Громов перевел свой новый, пронзительный взгляд на ученика. Вася, в порванной футболке и покрытый синяками, действительно выглядел как монолитная гора мышц без единого грамма магического потенциала. Идеальный, хрестоматийный «танк», принимающий урон. Но Бюро, судя по гайдам, искало исключительно активных магов и мощных ДД.

– Потенциал маны с точки зрения физики всего лишь пропускная способность, возможность проводить через себя энергию, – медленно, задумчиво сказал профессор, потирая подбородок. – Если у вас нет собственной активной генерации, вы вполне можете стать... проводником. Или вместительным аккумулятором.

В его усиленном разуме мгновенно всплыли воспоминания о вчерашнем бое. Он вспомнил высокомерного Виктора Волкова. Тот играючи менял массу, наплевав на физические константы.

– Воронов, вспомните вчерашнее. Когда вас сбил автобус, вы почувствовали резкую боль от удара?

– Конечно! Я думал, на месте сдохну, все кости трещали! – Вася даже поморщился от фантомных ощущений.

– Нет. Я имею в виду доли секунды перед самым ударом. Вы сказали, что инстинктивно сгруппировались. Вы почувствовали... некое структурное уплотнение тканей?

– Ну... было такое, – Вася перестал жевать, наморщив лоб и пытаясь вспомнить. – Будто кожа и мышцы стали камен-

ными на секунду, напружинились. Я думал, со страху показалось.

Громов удовлетворенно кивнул. Его смелая гипотеза блестяще подтверждалась на практике.

– Кинетическая энергия не исчезает в никуда, это базовый закон. Она переходит в другие формы. Возможно, ваш скрытый системный дар не просто тупо «терпеть боль» и получать гематомы. Возможно, вы способны преобразовывать входящий разрушительный урон в чистую потенциальную энергию. Как сжатая пружина. – Профессор кряхтя встал на затекшие ноги и педантично отряхнул пыльные брюки. – На экзамене, Воронов, когда вас попросят продемонстрировать комиссии свою магию, вы вежливо попросите их ударить вас.

– Чего?! – Вася поперхнулся батончиком и закашлялся. Его глаза стали размером с блюдца. – Там инструкторы настоящие звери, ветераны Разломов! Они же меня пополам одним ударом переломят!!!

– Не переломят. Согласно моим новым, уточненным расчетам, если ударить вас достаточно сильно и высвободить нужный импульс, вы засветитесь магией, как рождественская новогодняя елка. И это будет наш пропуск на следующий этап, – Громов поправил съехавшие очки и неожиданно для себя мягко, почти по-отечески улыбнулся. – А теперь отправляемся по домам. Нам необходимо поспать ровно четыре часа для восстановления нейронных связей. В 10:00 мы идем в Бюро. И, ради Бога, найдите и наденьте чистую фут-

болку. Мы идем в храм государственной бюрократии, а не на овощебазу.

Глава 12. Логин в Систему

Здание Главного управления Бюро Ликвидации Разломов (БЛР) грубо и бесцеремонно возвышалось над историческим центром города, как гигантский стеклянный памятник дурному вкусу. Это был тридцатипятиэтажный монолитный небоскреб, нелепо втиснутый между особняками девятнадцатого века. Он был облицован глянцевыми черными панелями, по которым непрерывно и хаотично бежали яркие неоновые полосы: кислотно-синие, кроваво-красные, ядовито-зеленые.

Профессор Громов стоял перед массивными вращающимися дверьми, плотнее запахивая строгое пальто от промозглого утреннего ветра, и с нескрываемым, глубоким эстетическим отвращением рассматривал этот архитектурный шедевр эпохи цифрового декаданса. От здания исходил низкочастотный гул мощных генераторов.

– Посмотрите на это, Воронов, – профессор брезгливо указал сухим пальцем в перчатке на сияющий фасад. – Здание выглядит как системный блок перегретого компьютера, который собрал перевозбужденный подросток в период острой фазы пубертата. RGB-подсветка на официальном государственном учреждении? Seriously? Каков коэффициент бесполезного рассеивания энергии?

Вася, поеживаясь от холода, стоял рядом. Он был одет в чистую, выглаженную футболку с принтом «Just Do It», ко-

торый Громов педантично заставил крест-накрест заклеить синей изолентой, чтобы «не рекламировать продукты гнивающего капитализма». Студент, не обращая внимания на стянутую на груди ткань, задрав голову, смотрел на циклопическую башню с щенячьим благоговением:

– Аркадий Львович, это же круто! Это настоящий стиль «Кибер-Нуар»! Здесь сидит абсолютная элита! Говорят, на самом верхнем этаже у них для випов есть даже бассейн с жидкой маной.

– С хлоркой у них там бассейн, обильно сдобренный продуктами жизнедеятельности этой вашей элиты! – жестко отрезал Громов, решительно шагая к стеклянным дверям. – Идемте. Чем быстрее мы пройдем эту бюрократическую процедуру унижения, тем быстрее вернемся к фундаментальной науке.

Внутри просторный холл ударил по органам чувств так, словно они шагнули в эпицентр взрыва. Пространство напоминало дикую помесь международного аэропорта в час пик и фестиваля аниме-косплея, спонсируемого производителями энергетиков. Воздух был густым, тяжелым, он откровенно пах оружейной смазкой, кофеином из банок и терпким адреналиновым потом сотен людей. Очередь к длинному ряду стоек регистрации извивалась пестрой, лязгающей змеей через весь гранитный зал.

Но какая это была очередь! Здесь стояли хмурые мужчины в массивных латах, от шагов которых дрожал пол; над-

менные маги в шелковых мантиях от кутюр, переливающихся рунами; высокомерные девушки с футуристическими лунками за спиной, которые светились ярче, чем вывеска казино Лас-Вегаса. Громов в своем строгом пальто, с идеальной осанкой и кожаным портфелем в руках смотрелся в этой неоновой толпе как чудом сохранившееся ископаемое, случайно откопанное экскаватором на стройке века.

– Слышь, дед, – грубо окликнул его стоявший прямо впереди парень с кислотно-зеленым ирокезом. На его плече на толстом ремне небрежно висела громоздкая, тихо гудящая винтовка Гаусса. – Ты дверью ошибся? Пенсионный фонд через дорогу, в кирпичном здании. Тут серьезные люди на рейд собираются, а не за льготами на коммуналку стоят.

Стоящие рядом в очереди разномастные бойцы презрительно захихикали. Профессор медленно, с ледяным спокойствием набрал в легкие побольше воздуха, чтобы выдать нечто исключительно едкое, математически уничтожающее самооценку этого примата, как вдруг услышал над ухом тревожный шепот.

– Не надо, – испугался Вася, нависая над профессором и пытаясь закрыть его своим широким плечом. – Это клан «Кибер-Панки», они совсем отмороженные, могут и пальнуть прямо тут.

Но Громов уже привычным, изящным жестом поправил очки на переносице. Он медленно, словно турель, наводящаяся на цель, повернул голову к парню:

– Молодой человек, судя по неоправданной массивности вашей экипировки, вы отчаянно пытаетесь компенсировать критический недостаток тактического мышления банальным калибром оружия. А судя по вашей нелепой реплике, еще и тотальный недостаток базового школьного воспитания.

– Че сказал? – парень, багровея, шагнул вперед, сжимая кулаки в тактических перчатках. Но тут прямо над седой головой Громова с легким электронным шелестом вспыхнул прозрачный интерфейс.

[Навык «Академическая Рецензия» (Пассивный эффект).]

[Анализ цели: Игрок «Дизель». Уровень: Низкий. Класс: Стрелок.]

[Уязвимость: Не сдал ЕГЭ по русскому языку.]

– Я сказал, – Громов властно повысил свой поставленный лекторский голос, легко перекрывая монотонный гул многоликой толпы, – что слово «слышь» является грязным, подзаборным вульгаризмом. В приличном, цивилизованном обществе к незнакомым людям обращаются исключительно на «вы». Но человеку, не сдавшему ЕГЭ по государственному языку, такое простительно. Впрочем, судя по удручающему факту, что вы прямо сейчас держите заряженную магнитную винтовку снятым предохранителем к собственному бедру, естественный биологический отбор очень скоро окончательно решит вашу проблему социализации.

Парень испуганно дернулся, инстинктивно опустил взгляд и торопливо глянул на ствольную коробку своей винтовки. Предохранитель был в полном порядке, тумблер стоял на месте, но Дизель все равно густо, пятнами покраснел от осознания того, что его так дешево купили на глазах у всего холла.

– Да пошел ты... старикан, – злобно, но уже без прежней уверенности буркнул он и резко отвернулся, делая вид, что крайне заинтересован электронным табло над стойками.

[Получено опыт. (Социальная победа).]

Громов удовлетворенно хмыкнул, чувствуя приятный прилив дофамина, и с независимым видом прошел дальше, заставляя расступиться еще парочку хихикающих зевак. Очередь, подгоняемая автоматическими терминалами, двигалась на удивление быстро, и вскоре они оказались у заветной цели: перед стойкой регистрации, отделенной толстым пуленепробиваемым стеклом.

За стеклом в эргономичном кресле сидела молодая девушка с таким феноменально скучающим, безжизненным видом, что казалось, она вот-вот с тихим писком уйдет в спящий режим ради экономии энергии. На ее пластиковом бейджике, криво приколотом к форменной блузке, значилось: «Оператор #404». Идеальная ирония Системы, отметил про себя профессор.

– Следующий. Цель визита? – заученно, механически спросила она, не поднимая глаз от монитора, где с невероят-

ной скоростью кликанья мышки раскладывала классический пасьянс «Косынка».

– Регистрация на квалификационный экзамен. Ранг F, – сухо, по-военному отчеканил Громов, придвигаясь ближе к микрофону, встроенному в стекло.

Девушка, наконец, соизволила поднять глаза. Ее взгляд профессионального сканера скользнул по фигуре профессора. Оценила его почтенный возраст, старомодные очки и не менее старомодное пальто. Перевела взгляд правее. Оценила внушительные, но абсолютно лишённые брони габариты Васи в заклеенной изолентой футболке и громко, с чувством вселенской усталости, вздохнула.

– Дедушка, у нас медицинская страховка жизни не входит в базовую стоимость регистрации. Если вам сердце прихватит прямо на полосе препятствий от перегрузки мы не виноваты, претензии от родственников не принимаются.

– Мое сердце работает с точностью дорогих швейцарских часов, в разительное отличие от вашей тормозящей системы клиентского обслуживания, – ядовито парировал Громов, не дрогнув ни единым мускулом на лице.

– Документы в лоток.

Он с легким, презрительным стуком шлепнул два гражданских паспорта на металлическую подставку. Девушка лениво, длинными ногтями, выкрашенными в ядовитый неон, подцепила верхний документ.

– Так... Громов А.Л. Никнейм?

– Что? – профессор искренне не понял вопроса, словно его спросили о рецепте философского камня.

– Никнейм. Позывной. Игровое имя. Как вас в глобальной Системе регистрировать? «Нагибатор2000»? «Темный-Лорд»?

Аркадий Львович возмущенно выпрямился во весь свой рост, расправил плечи и самым величественным, монументальным тоном, который обычно приберегал для защиты диссертаций, произнес:

– Мое имя – Аркадий Львович Громов. Доктор физико-математических наук. Полагаю, этого вполне достаточно для вашей базы данных.

– Не влезет в поле ввода, – снова зевнула девушка, лениво стуча длинными ногтями по клавиатуре. – Системный лимит 12 символов. Запишу как «Профессор». Класс?

– Ментор, – с нескрываемой профессиональной гордостью произнес Громов, поправляя галстук.

Девушка замерла. Ее пальцы зависли над клавиатурой.

– Нет такого в базе данных. Есть базовые: Маг, Воин, Хил, Танк. Вы кто из них? Файерболы кидаете или с кинжалами прыгаете?

– Я кидаю неопровержимые научные факты прямо в лицо своему оппоненту.

– Значит, Дебаффер-Саппорт. Так и запишем, – безразлично пожала плечами оператор, снова защелкав клавишами. – Уровень?

– Низкий.

– Низкий? – Она не выдержала и откровенно прыснула в кулак. Глаза ее насмешливо сузились. – На экзамен Бюро? Минимум выше среднего нужен, дедуля. Идите вон обратно в «песочницу», крыс в подвале побейте, опыта подкопите, а потом приходите.

Громов почувствовал, как на его правом веке начинает предательски, мелко дергаться нерв. Опять эти проклятые крысы. Это слово уже вызывало у него аллергию.

– Девушка, – обманчиво вкрадчиво, тихим шепотом хищника начал он, наклоняясь вплотную к микрофону так, что его дыхание оставило легкое пятно на поверхности. – Не считите за труд, откройте официальный регламент БЛР, статья 4, пункт 2.: «Допуск к квалификационному экзамену разрешен гражданам с любым текущим уровнем при условии наличия официального поручительства гильдии или прямой демонстрации уникального навыка».

Девушка недовольно нахмурила нарисованные брови. Было совершенно очевидно, что она отродясь не читала этот многостраничный регламент.

– У вас есть уникальный навык? – недоверчиво протянула она.

– У меня есть феноменальный навык заставить вас написать заявление об увольнении по собственному желанию за вопиющую профессиональную некомпетентность ровно в течение ближайших трех минут. Хотите практическую де-

монстрацию?

Над стойкой регистрации внезапно повисла полнейшая тишина. Слышно было только гудение кондиционера. Оператор #404 оторвала взгляд от монитора и посмотрела прямо в колючие, бесстрастные и холодные, как жидкий азот, глаза Громова. Встроенная в ее линзы Система услужливо и тревожно подсказала ей, что этот странный «дебаффер» совершенно не шутит.

– Ладно, – недовольно буркнула она, с силой ударив по клавише Enter. – «Профессор», Саппорт, класс «Ментор». Одобрено. А второй?

– Василий Воронов. Позывной... – Вася, которого эта атмосфера сильно давила, замялся, переминаясь с ноги на ногу. – Э-э... может, «Танк3000»?

– «Вась-Вась», – безапелляционно перебил его Громов, не оборачиваясь. – Пишите именно так. Это фонетически аутентично. Класс: Танк.

Девушка за стеклом закатила глаза с такой силой, что казалось, она сейчас действительно увидит собственный мозг.

– Низкоуровневый танк и хилый саппорт. Просто команда мечты. Потенциальные смертники. Регистрирую вас как группу. Все базовые испытания вы проходите совместно. – Она с шумным вздохом нажала кнопку печати. Принтер зажужжал и выплюнул распечатанные данные. #404 небрежным жестом кинула два пластиковых бейджа на шнурках в металлический лоток выдачи. – Вам в Зал №3. Сдача мочи

на допинг-контроль в самом конце коридора, дверь налево.
Удачи, она вам там понадобится. Следующий!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.